

В. Шоттъ.

ЮНОСТЬ.

1915 г. Пробужденіе № 2-й

15-го Января 1915 г.

Смѣравная библїя
и м. Грѣша
и м. Шмичъ

Наши встрѣчи.

Наши встрѣчи съ отѣнкомъ печали.
Не для насъ по ночамъ соловьи.
И цвѣты никогда не вѣнчали
Даже-первыхъ дерзаній любви.

Я боюсь приласкать посильнѣе,
Посмѣлѣе коснуться волосъ.
Ты посмотришь въ глаза—я блѣднѣю,
А въ тебѣ—тишина и вопросъ.

Мнѣ неловко, и стыдно, и больно...
Мы, какъ въ первые дни, далеки.
Я щеку отрываю невольно
Отъ твоей несогрѣтой щеки.

И опять, въ озареніи новомъ
Затихаю, молчу и таю,—
Не обидѣть-бы жестомъ и словомъ
Сиротливую душу твою.

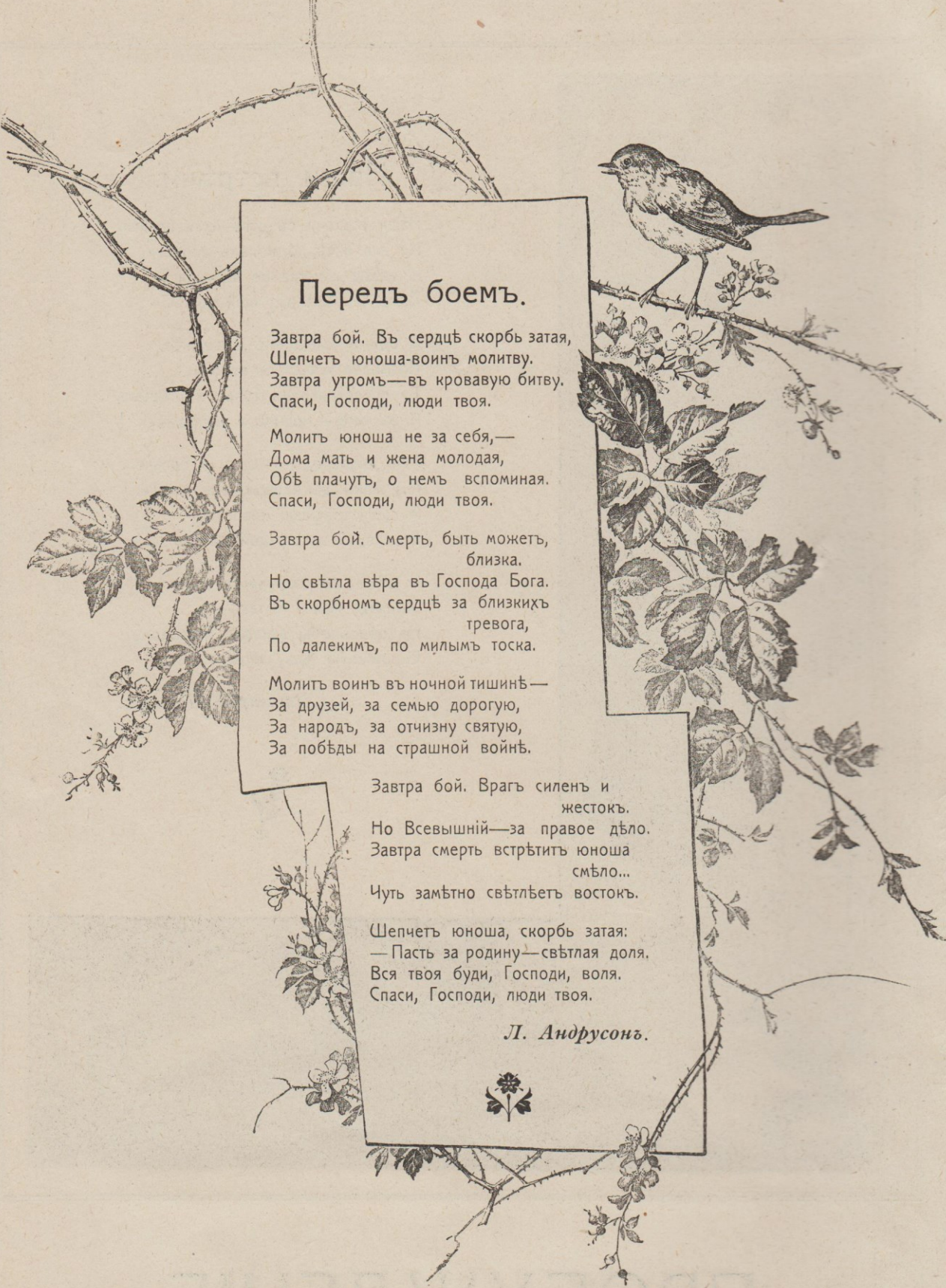
Дмитрій Цензоръ.

ПРОБУЖДЕНІЕ

Годъ 10-й.

Выпускъ 2-й.

Передъ боемъ.

Завтра бой. Въ сердцѣ скорбь затая,
Шепчетъ юноша-воинъ молитву.
Завтра утромъ—въ кровавую битву.
Спаси, Господи, люди твоя.

Молить юноша не за себя,—
Дома мать и жена молодая,
Объ плачутъ, о немъ вспоминая.
Спаси, Господи, люди твоя.

Завтра бой. Смерть, быть можетъ,
близка.
Но свѣтла вѣра въ Господа Бога.
Въ скорбномъ сердцѣ за близкихъ
тревога,
По далекимъ, по милымъ тоска.

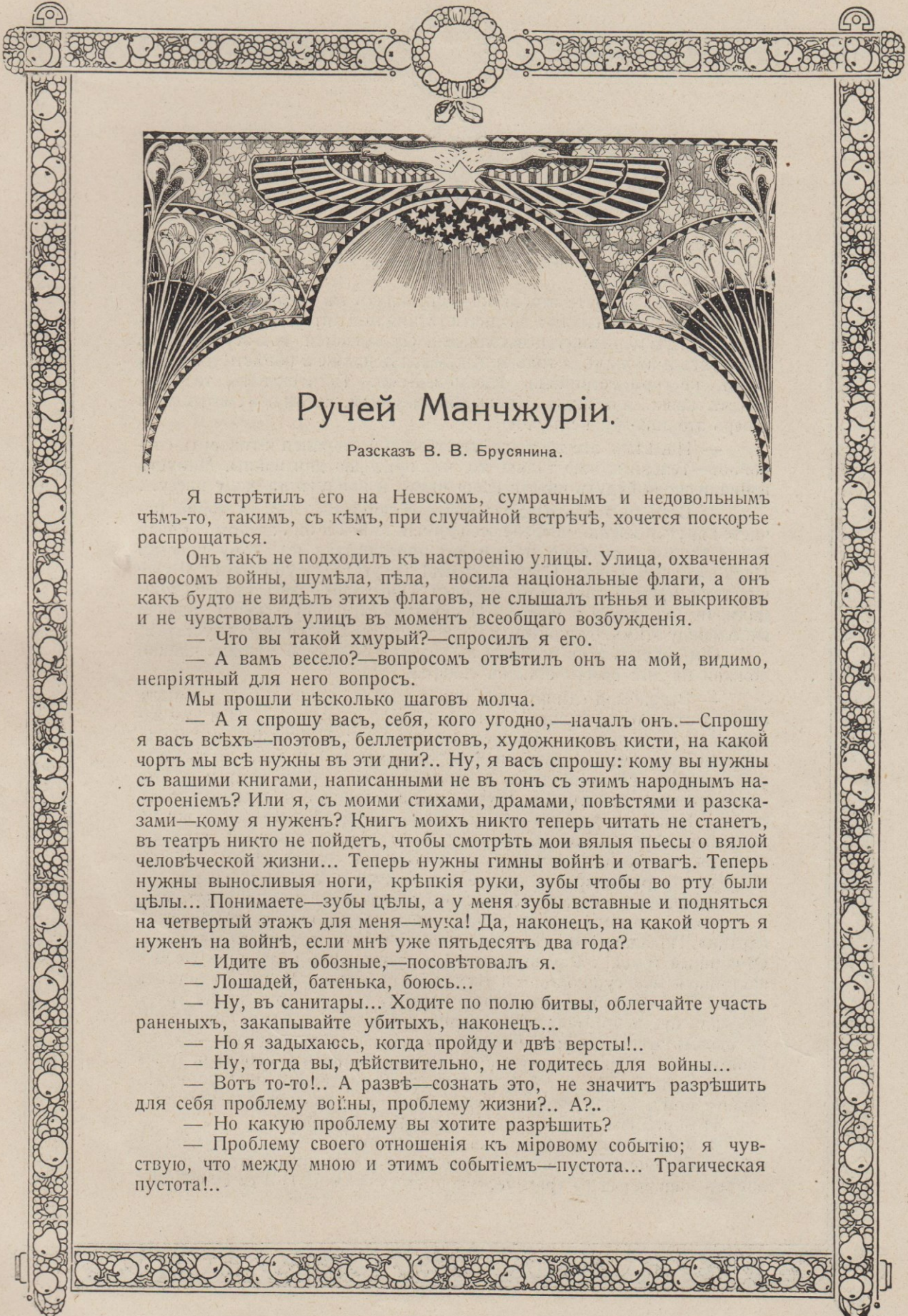
Молить воинъ въ ночной тишинѣ—
За друзей, за семью дорогую,
За народъ, за отчизну святую,
За побѣды на страшной войнѣ.

Завтра бой. Врагъ силенъ и
жестокъ.
Но Всевышній—за правое дѣло.
Завтра смерть встрѣтитъ юноша
смѣло...
Чуть замѣтно свѣтлѣетъ востокъ.

Шепчетъ юноша, скорбь затая:
— Пастъ за родину—свѣтлая доля.
Вся твоя буди, Господи, воля.
Спаси, Господи, люди твоя.

Л. Андрусонъ.

Ручей Манчжуріи.

Разсказъ В. В. Брусянина.

Я встрѣтилъ его на Невскомъ, сумрачнымъ и недовольнымъ чѣмъ-то, такимъ, съ кѣмъ, при случайной встрѣчѣ, хочется поскорѣе распрощаться.

Онъ такъ не подходилъ къ настроенію улицы. Улица, охваченная пафосомъ войны, шумѣла, пѣла, носила національные флаги, а онъ какъ будто не видѣлъ этихъ флаговъ, не слышалъ пѣнья и выкриковъ и не чувствовалъ улицъ въ моментъ всеобщаго возбужденія.

— Что вы такой хмурый?—спросилъ я его.

— А вамъ весело?—вопросомъ отвѣтилъ онъ на мой, видимо, непріятный для него вопросъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча.

— А я спрошу васъ, себя, кого угодно,—началь онъ.—Спрошу я васъ всѣхъ—поэтовъ, беллетристовъ, художниковъ кисти, на какой чортъ мы всѣ нужны въ эти дни?... Ну, я васъ спрошу: кому вы нужны съ вашими книгами, написанными не въ тонъ съ этимъ народнымъ настроеніемъ? Или я, съ моими стихами, драмами, повѣстями и разсказами—кому я нуженъ? Книгъ моихъ никто теперь читать не станетъ, въ театръ никто не пойдетъ, чтобы смотрѣть мои вялыя пьесы о вялой человѣческой жизни... Теперь нужны гимны войнѣ и отвагѣ. Теперь нужны выносливыя ноги, крѣпкія руки, зубы чтобы во рту были цѣлы... Понимаете—зубы цѣлы, а у меня зубы вставные и подняться на четвертый этажъ для меня—мука! Да, наконецъ, на какой чортъ я нуженъ на войнѣ, если мнѣ уже пятьдесятъ два года?

— Идите въ обозные,—посоветовалъ я.

— Лошадей, батенька, боюсь...

— Ну, въ санитары... Ходите по полю битвы, облегчайте участь раненыхъ, закапывайте убитыхъ, наконецъ...

— Но я задыхаюсь, когда пройду и двѣ версты!..

— Ну, тогда вы, дѣйствительно, не годитесь для войны...

— Вотъ то-то!.. А развѣ—сознать это, не значитъ разрѣшить для себя проблему войны, проблему жизни?.. А?..

— Но какую проблему вы хотите разрѣшить?

— Проблему своего отношенія къ міровому событію; я чувствую, что между мною и этимъ событіемъ—пустота... Трагическая пустота!..

Онъ пріостановился, махнулъ рукою въ сторону кафэ, мимо котораго мы проходили, и добавилъ:

— Идемте—посидѣть. Я усталъ... Цѣлый день хожу по улицамъ и все хочу пристать, прилипнуть какъ-нибудь къ всеобщему настроенію и не могу этого сдѣлать...

Мы заняли столикъ въ углу душевой и многолюдной комнаты, переполненной разнообразной публикой, заказали по стакану кофе, а онъ все говорилъ:

— И вы думаете это легко—примкнуть къ всеобщему настроенію? Я вамъ прямо скажу: двадцатилѣтняя моя литературная дѣятельность сдѣлала меня никуда негоднымъ. Оказывается, всю эту длинную цѣпь лѣтъ я не жилъ, а только выдумывалъ драмы и повѣсти и писалъ стихи, не горя истиннымъ вдохновеніемъ. Такъ сказать, теоризировалъ жизнь, а не жилъ. Книги мои покупали, пьесы мои смотрѣли, а теперь это никому не нужно!

— Но, вѣдь, это же такъ естественно,—старался я говорить спокойно.—Теперь нужно только то, что пригодно для войны. Минуетъ война, и снова будутъ читать ваши книги и пойдутъ на вашу пьесу...

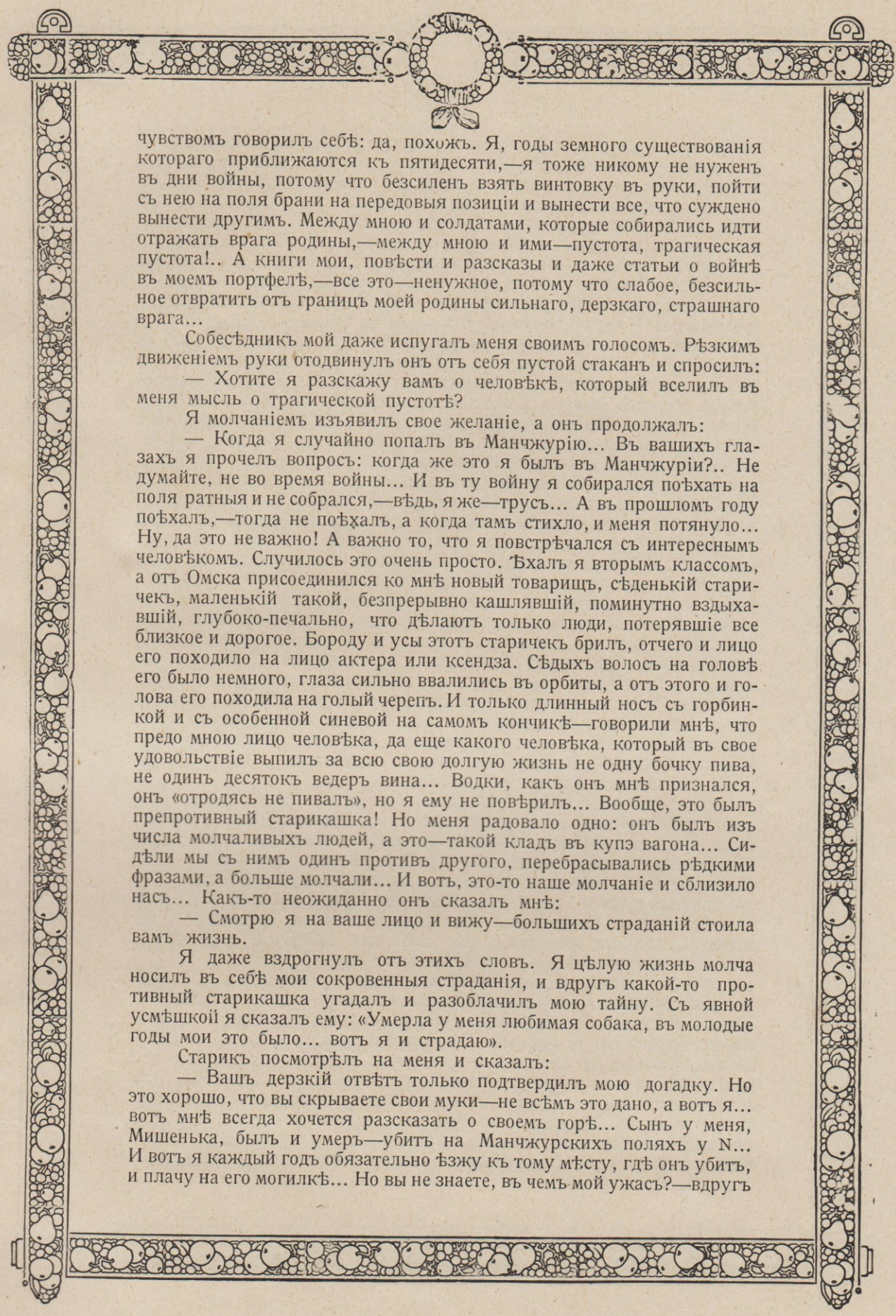
— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что—не пойдутъ... Послѣ войны начнется другая жизнь, потребуются другія книги и ихъ авторы... Спаси Богъ, если мы съ вами не сумѣемъ прилѣпиться къ этому новому. Насъ ожидаетъ крахъ. Полный крахъ! Смерть! Самоубійство!.. Я уже чувствую приближеніе этого времени. Оно ходитъ вонъ тамъ на улицахъ, носитъ флаги и поетъ... Я чувствую эту новую жизнь, начало ея. А между этимъ, будущимъ, и мною—пустота... трагическая пустота!..

Онъ смолкъ и съ печалью въ глазахъ безшумно мѣшалъ чайной ложкой на днѣ своего стакана сахаръ.

— Вы забыли сдѣлать мнѣ одинъ совѣтъ, какой я уже слышалъ сегодня отъ одного коллеги, нашего общаго знакомаго... Я и ему задавалъ тѣ же вопросы, а онъ посоветовалъ мнѣ: «Поѣзжайте, говорить, корреспондентомъ на театръ войны. Опишите войну, какъ ее увидите собственными глазами, какъ почувствуете ее... Вотъ вамъ и работа общественнаго значенія...». Мнѣ въ высшей степени понравился этотъ совѣтъ. Какъ это хорошо—театръ пошленькой обывательской жизни замѣнить театромъ войны, ареной работы дѣйствительныхъ героевъ, самоотверженныхъ и цѣльныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей... Я уже обдумывалъ разговоръ съ издателемъ с моей поѣздкѣ. Прошелъ отъ Александровскаго сада до Казанскаго собора и все думалъ о поѣздкѣ, а потомъ... потомъ предо мною живо представилась трагическая картина. Попадаю я на передовыя позиціи и бѣгу, потому что—трусъ... Отчаянный трусъ!.. Вой шрапнелей и свистъ пуль разбудили во мнѣ настоящую мою сущность, и я бѣгу съ поля битвы... Могу-ли я описать войну? Я могу только дать ясную картину о томъ, какъ нѣкій трусъ убѣжалъ отъ непріятельскихъ шрапнелей и пуль, да и то, навѣрное, въ одномъ мѣстѣ своихъ писаній слукавлю, а въ другомъ—навру. Понимаете?.. А развѣ кому-нибудь нужны записки и исповѣдь труса въ дни войны?.. Да это будутъ записки величайшаго преступника!.. Видите, опять между мною и жизнью—пустота... трагическая пустота!..

И опять онъ смолкъ, мой странный собесѣдникъ.

А я смотрѣлъ въ его, печалью обвѣянные, глаза, и думалъ о себѣ, и спрашивалъ себя: а не похожъ-ли и я на этого страннаго чловѣка, ощущающаго трагическую пустоту жизни? И я со скорбнымъ

чувствомъ говорилъ себѣ: да, похожъ. Я, годы земного существованія котораго приближаются къ пятидесяти,—я тоже никому не нуженъ въ дни войны, потому что безсиленъ взять винтовку въ руки, пойти съ нею на поля брани на передовыя позиціи и вынести все, что суждено вынести другимъ. Между мною и солдатами, которые собирались идти отражать врага родины,—между мною и ими—пустота, трагическая пустота!.. А книги мои, повѣсти и рассказы и даже статьи о войнѣ въ моемъ портфелѣ,—все это—ненужное, потому что слабое, безильное отвратить отъ границъ моей родины сильнаго, дерзкаго, страшнаго врага...

Собесѣдникъ мой даже испугалъ меня своимъ голосомъ. Рѣзкимъ движеніемъ руки отодвинулъ онъ отъ себя пустой стаканъ и спросилъ:
— Хотите я расскажу вамъ о человѣкѣ, который вселилъ въ меня мысль о трагической пустотѣ?

Я молчаніемъ изъявилъ свое желаніе, а онъ продолжалъ:

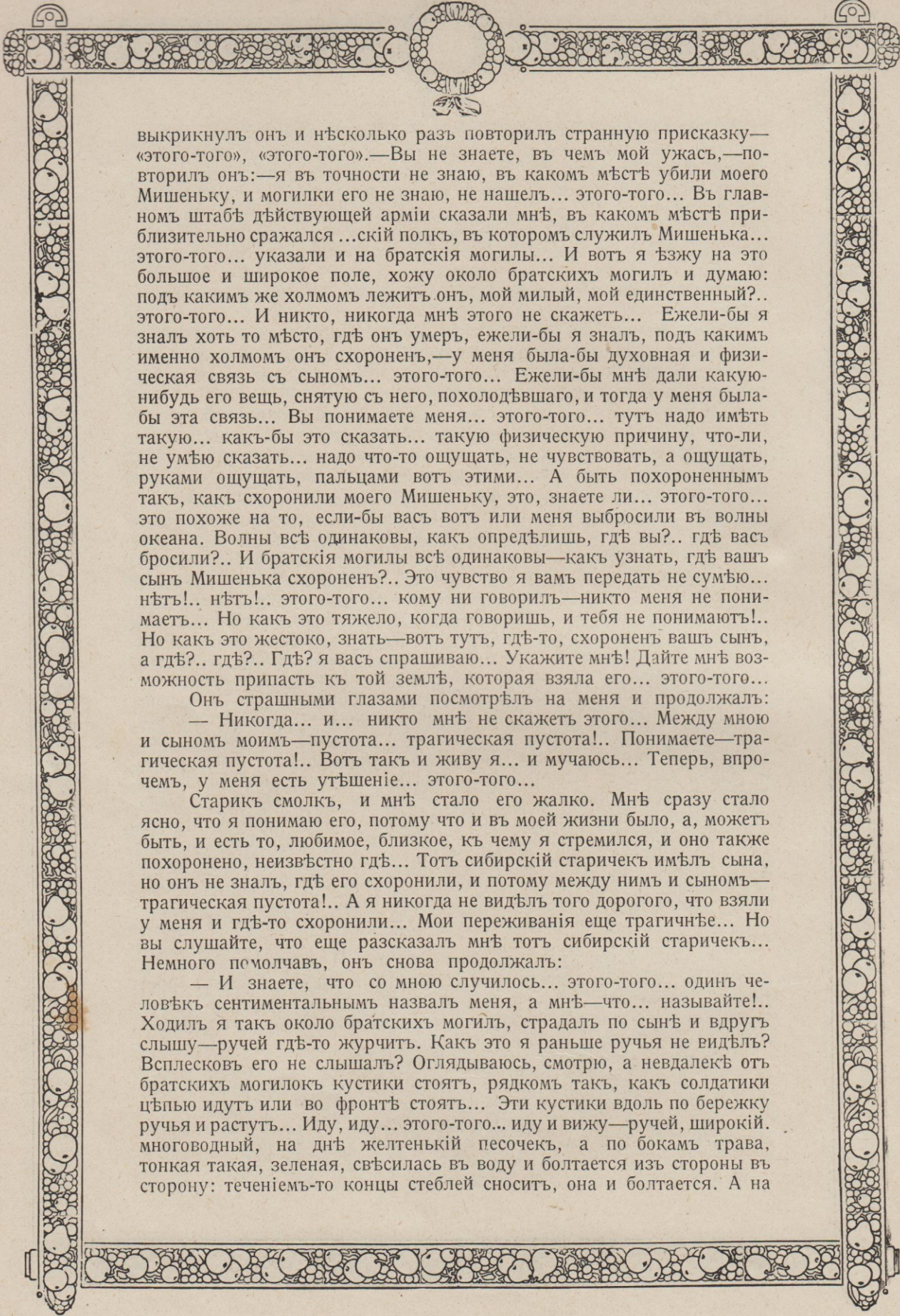
— Когда я случайно попалъ въ Манчжурію... Въ вашихъ глазахъ я прочелъ вопросъ: когда же это я былъ въ Манчжуріи?.. Не думайте, не во время войны... И въ ту войну я собирался поѣхать на поля ратныя и не собрался,—вѣдь, я же—трусъ... А въ прошломъ году поѣхалъ,—тогда не поѣхалъ, а когда тамъ стихло, и меня потянуло... Ну, да это не важно! А важно то, что я повстрѣчался съ интереснымъ человѣкомъ. Случилось это очень просто. Ъхалъ я вторымъ классомъ, а отъ Омска присоединился ко мнѣ новый товарищъ, сѣденькій старичекъ, маленькій такой, непрерывно кашлявшій, поминутно вздыхавшій, глубоко-печально, что дѣлаютъ только люди, потерявшіе все близкое и дорогое. Бороду и усы этотъ старичекъ брилъ, отчего и лицо его походило на лицо актера или ксендза. Съдыхъ волосъ на головѣ его было немного, глаза сильно ввалились въ орбиты, а отъ этого и голова его походила на голый черепъ. И только длинный носъ съ горбинкой и съ особенной синевою на самомъ кончикѣ—говорили мнѣ, что предо мною лицо человѣка, да еще какого человѣка, который въ свое удовольствіе выпилъ за всю свою долгую жизнь не одну бочку пива, не одинъ десятокъ ведеръ вина... Водки, какъ онъ мнѣ признался, онъ «отродясь не пивалъ», но я ему не повѣрилъ... Вообще, это былъ препротивный старикашка! Но меня радовало одно: онъ былъ изъ числа молчаливыхъ людей, а это—такой кладъ въ купѣ вагона... Сидѣли мы съ нимъ одинъ противъ другого, перебрасывались рѣдкими фразами, а больше молчали... И вотъ, это-то наше молчаніе и сблизило насъ... Какъ-то неожиданно онъ сказалъ мнѣ:

— Смотрите я на ваше лицо и вижу—большихъ страданій стоила вамъ жизнь.

Я даже вздрогнулъ отъ этихъ словъ. Я цѣлую жизнь молча носилъ въ себѣ мои сокровенныя страданія, и вдругъ какой-то противный старикашка угадалъ и разоблачилъ мою тайну. Съ явной усмѣшкой я сказалъ ему: «Умерла у меня любимая собака, въ молодые годы мои это было... вотъ я и страдаю».

Старикъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Вашъ дерзкій отвѣтъ только подтвердилъ мою догадку. Но это хорошо, что вы скрываете свои муки—не всѣмъ это дано, а вотъ я... вотъ мнѣ всегда хочется рассказать о своемъ горѣ... Сынъ у меня, Мишенька, былъ и умеръ—убить на Манчжурскихъ поляхъ у Н... И вотъ я каждый годъ обязательно ѣзжу къ тому мѣсту, гдѣ онъ убитъ, и плачу на его могилкѣ... Но вы не знаете, въ чѣмъ мой ужасъ?—вдругъ

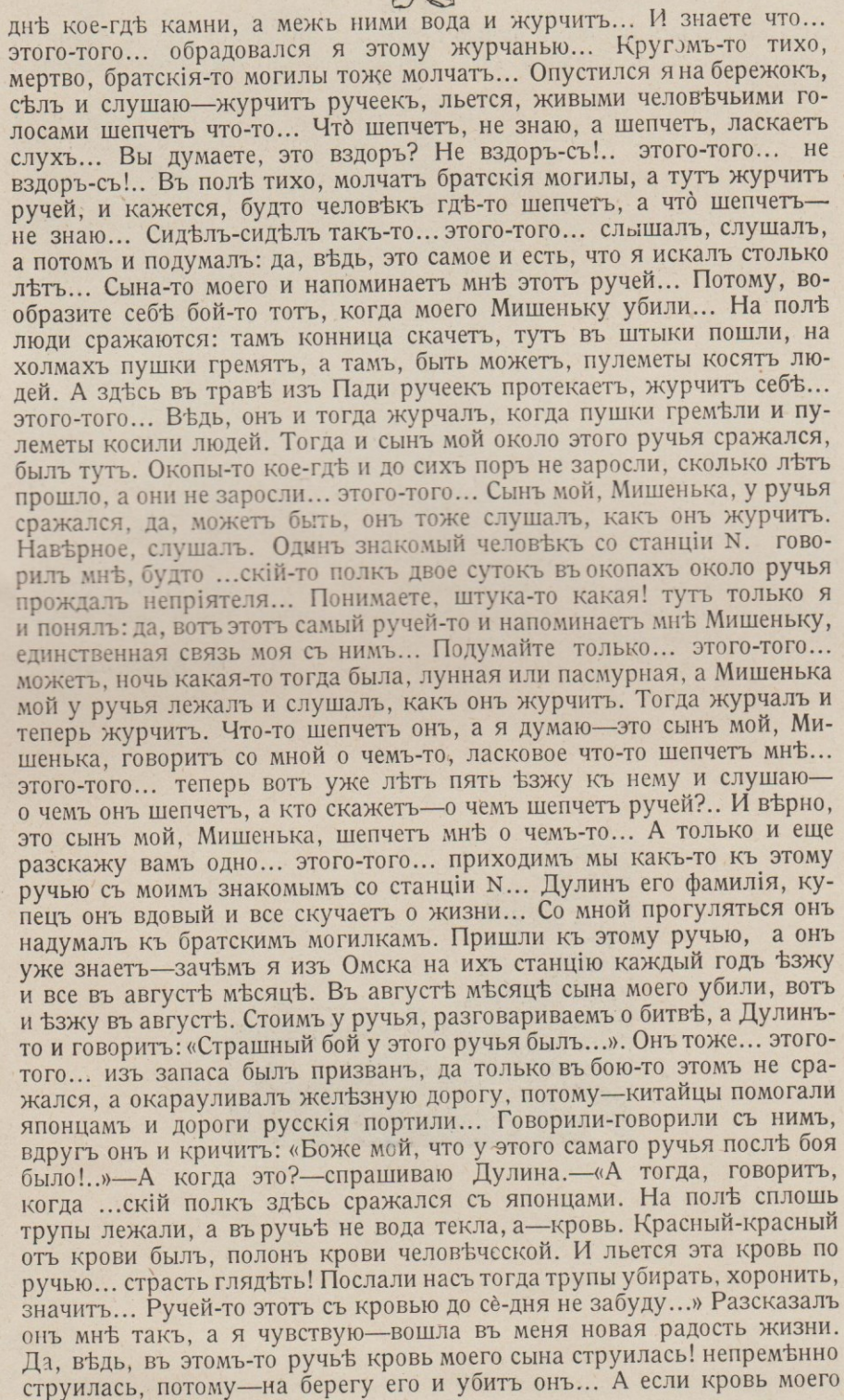

выкрикнулъ онъ и нѣсколько разъ повторилъ странную присказку— «этого-того», «этого-того».—Вы не знаете, въ чемъ мой ужасъ,—повторилъ онъ:—я въ точности не знаю, въ какомъ мѣстѣ убили моего Мишеньку, и могилки его не знаю, не нашель... этого-того... Въ главномъ штабѣ дѣйствующей арміи сказали мнѣ, въ какомъ мѣстѣ приблизительно сражался...скій полкъ, въ которомъ служилъ Мишенька... этого-того... указали и на братскія могилы... И вотъ я ѣзжу на это большое и широкое поле, хожу около братскихъ могилъ и думаю: подъ какимъ же холмомъ лежитъ онъ, мой милый, мой единственный?... этого-того... И никто, никогда мнѣ этого не скажетъ... Ежели-бы я зналъ хоть то мѣсто, гдѣ онъ умеръ, ежели-бы я зналъ, подъ какимъ именно холмомъ онъ схороненъ,—у меня была-бы духовная и физическая связь съ сыномъ... этого-того... Ежели-бы мнѣ дали какую-нибудь его вещь, снятую съ него, похолодѣвшаго, и тогда у меня была-бы эта связь... Вы понимаете меня... этого-того... тутъ надо имѣть такую... какъ-бы это сказать... такую физическую причину, что-ли, не умѣю сказать... надо что-то ощущать, не чувствовать, а ощущать, руками ощущать, пальцами вотъ этими... А быть похороненнымъ такъ, какъ схоронили моего Мишеньку, это, знаете ли... этого-того... это похоже на то, если-бы васъ вотъ или меня выбросили въ волны океана. Волны всѣ одинаковы, какъ опредѣлишь, гдѣ вы?... гдѣ васъ бросили?... И братскія могилы всѣ одинаковы—какъ узнать, гдѣ вашъ сынъ Мишенька схороненъ?... Это чувство я вамъ передать не сумѣю... нѣтъ!.. нѣтъ!.. этого-того... кому ни говорилъ—никто меня не понимаетъ... Но какъ это тяжело, когда говоришь, и тебя не понимаютъ!.. Но какъ это жестоко, знать—вотъ тутъ, гдѣ-то, схороненъ вашъ сынъ, а гдѣ?... гдѣ?... Гдѣ? я васъ спрашиваю... Укажите мнѣ! Дайте мнѣ возможность припасть къ той землѣ, которая взяла его... этого-того...

Онъ страшными глазами посмотрѣлъ на меня и продолжалъ:
— Никогда... и... никто мнѣ не скажетъ этого... Между мною и сыномъ моимъ—пустота... трагическая пустота!.. Понимаете—трагическая пустота!.. Вотъ такъ и живу я... и мучаюсь... Теперь, впрочемъ, у меня есть утѣшеніе... этого-того...

Старикъ смолкъ, и мнѣ стало его жалко. Мнѣ сразу стало ясно, что я понимаю его, потому что и въ моей жизни было, а, можетъ быть, и есть то, любимое, близкое, къ чему я стремился, и оно также похоронено, неизвѣстно гдѣ... Тотъ сибирскій старичекъ имѣлъ сына, но онъ не зналъ, гдѣ его схоронили, и потому между нимъ и сыномъ—трагическая пустота!.. А я никогда не видѣлъ того дорогого, что взяла у меня и гдѣ-то схоронили... Мои переживанія еще трагичнѣе... Но вы слушайте, что еще рассказалъ мнѣ тотъ сибирскій старичекъ... Немного помолчавъ, онъ снова продолжалъ:

— И знаете, что со мною случилось... этого-того... одинъ человекъ сентиментальнымъ назвалъ меня, а мнѣ—что... называйте!.. Ходилъ я такъ около братскихъ могилъ, страдалъ по сынѣ и вдругъ слышу—ручей гдѣ-то журчить. Какъ это я раньше ручья не видѣлъ? Всплесковъ его не слышалъ? Оглядываюсь, смотрю, а невдалекѣ отъ братскихъ могилокъ кустики стоятъ, рядкомъ такъ, какъ солдатики цѣпью идутъ или во фронтѣ стоятъ... Эти кустики вдоль по берегу ручья и растутъ... Иду, иду... этого-того... иду и вижу—ручей, широкій, многоводный, на днѣ желтенькій песочекъ, а по бокамъ трава, тонкая такая, зеленая, свѣсилась въ воду и болтается изъ стороны въ сторону: теченіемъ-то концы стеблей сносить, она и болтается. А на

днѣ кое-гдѣ камни, а межъ ними вода и журчить... И знаете что... этого-того... обрадовался я этому журчанью... Кругомъ-то тихо, мертво, братскія-то могилы тоже молчать... Опустился я на бережокъ, сѣлъ и слушаю—журчитъ ручеекъ, льется, живыми человѣчьими голосами шепчетъ что-то... Что шепчетъ, не знаю, а шепчетъ, ласкаетъ слухъ... Вы думаете, это вздоръ? Не вздоръ-сь!.. этого-того... не вздоръ-сь!.. Въ полѣ тихо, молчатъ братскія могилы, а тутъ журчитъ ручей, и кажется, будто человѣкъ гдѣ-то шепчетъ, а что шепчетъ—не знаю... Сидѣль-сидѣль такъ-то... этого-того... слышалъ, слушалъ, а потомъ и подумалъ: да, вѣдь, это самое и есть, что я искалъ столько лѣтъ... Сына-то моего и напоминаетъ мнѣ этотъ ручей... Потому, вообразите себѣ бой-то тотъ, когда моего Мишеньку убили... На полѣ люди сражаются: тамъ конница скачетъ, тутъ въ штыки пошли, на холмахъ пушки гремятъ, а тамъ, быть можетъ, пулеметы косятъ людей. А здѣсь въ травѣ изъ Пади ручеекъ протекаетъ, журчитъ себѣ... этого-того... Вѣдь, онъ и тогда журчалъ, когда пушки гремѣли и пулеметы косили людей. Тогда и сынъ мой около этого ручья сражался, былъ тутъ. Окопы-то кое-гдѣ и до сихъ поръ не заросли, сколько лѣтъ прошло, а они не заросли... этого-того... Сынъ мой, Мишенька, у ручья сражался, да, можетъ быть, онъ тоже слушалъ, какъ онъ журчитъ. Навѣрное, слушалъ. Одинъ знакомый человѣкъ со станціи N. говорилъ мнѣ, будто ...скій-то полкъ двое сутокъ въ окопахъ около ручья прождалъ неприятеля... Понимаете, штука-то какая! тутъ только я и понималъ: да, вотъ этотъ самый ручей-то и напоминаетъ мнѣ Мишеньку, единственная связь моя съ нимъ... Подумайте только... этого-того... можетъ, ночь какая-то тогда была, лунная или пасмурная, а Мишенька мой у ручья лежалъ и слушалъ, какъ онъ журчитъ. Тогда журчалъ и теперь журчитъ. Что-то шепчетъ онъ, а я думаю—это сынъ мой, Мишенька, говоритъ со мной о чемъ-то, ласковое что-то шепчетъ мнѣ... этого-того... теперь вотъ уже лѣтъ пять ѣзжу къ нему и слушаю—о чемъ онъ шепчетъ, а кто скажетъ—о чемъ шепчетъ ручей?.. И вѣрно, это сынъ мой, Мишенька, шепчетъ мнѣ о чемъ-то... А только и еще расскажу вамъ одно... этого-того... приходимъ мы какъ-то къ этому ручью съ моимъ знакомымъ со станціи N... Дулинъ его фамилія, купецъ онъ вдовый и все скучаетъ о жизни... Со мной прогуляться онъ надумалъ къ братскимъ могилкамъ. Пришли къ этому ручью, а онъ уже знаетъ—зачѣмъ я изъ Омска на ихъ станцію каждый годъ ѣзжу и все въ августѣ мѣсяцѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ сына моего убили, вотъ и ѣзжу въ августѣ. Стоимъ у ручья, разговариваемъ о битвѣ, а Дулинъ-то и говоритъ: «Страшный бой у этого ручья былъ...». Онъ тоже... этого-того... изъ запаса былъ призванъ, да только въ бою-то этомъ не сражался, а окарауливалъ желѣзную дорогу, потому—китайцы помогали японцамъ и дороги русскія портили... Говорили-говорили съ нимъ, вдругъ онъ и кричитъ: «Боже мой, что у этого самого ручья послѣ боя было!..»—А когда это?—спрашиваю Дулина.—«А тогда, говоритъ, когда ...скій полкъ здѣсь сражался съ японцами. На полѣ сплошь трупы лежали, а въ ручьѣ не вода текла, а—кровь. Красный-красный отъ крови былъ, полонъ крови человѣческой. И льется эта кровь по ручью... страсть глядѣть! Послали насъ тогда трупы убирать, хоронить, значить... Ручей-то этотъ съ кровью до се-дня не забуду...» Разказалъ онъ мнѣ такъ, а я чувствую—вошла въ меня новая радость жизни. Да, вѣдь, въ этомъ-то ручьѣ кровь моего сына струилась! непременно струилась, потому—на берегу его и убитъ онъ... А если кровь моего

сына Мишеньки по этому ручью струилась вмѣстѣ съ водой, значить, онъ, ручей-то, и близокъ мнѣ, связываетъ онъ меня съ сыномъ... этого-того...

Старичекъ хотѣлъ сказать еще что-то, но мысли его оборвала эта глупая присказка—«этого-того». Помолчалъ онъ и сказалъ на прощанье:

— Вотъ и вы найдете въ жизни радость по утраченномъ, если вотъ такой же ручей обрѣтете, по которому струилась кровь вашего близкаго, единственнаго, дорогаго...

Другъ мой закончилъ свой рассказъ о сибирскомъ старичкѣ и о ручьѣ и, помолчавъ, добавилъ:

— Вотъ и мы съ вами поняли-бы весь смыслъ войны, если-бы побывали на такомъ же ручьѣ крови, гдѣ именно кровь близкаго вашего струилась. Тогда и мы восчувствовали-бы настоящую связь съ войной и съ тѣми, кто туда идетъ... Ну, до свиданія, мнѣ пора... Пойду смотрѣть, какъ провожаютъ запасныхъ на войну... А скоро и я на войну поѣду, насильно ворвусь, коли не будутъ пускать. Хочу увидѣть войну, почувствовать ее, испытать ее, пережить всѣми фибрами души моей... Муки ея впитаю въ себя, какъ тотъ сибирскій ручей впиталъ въ себя кровь войны и одухотворился для того... старичка-то... этого-того... Душа моя не терпитъ трагической пустоты!..

И онъ ушелъ, мой собесѣдникъ... И жутко мнѣ стало одному. Нужно и мнѣ впитать въ душу мою муки войны, чтобы понять—что же это такое—война?..

В. Бруснянинъ.

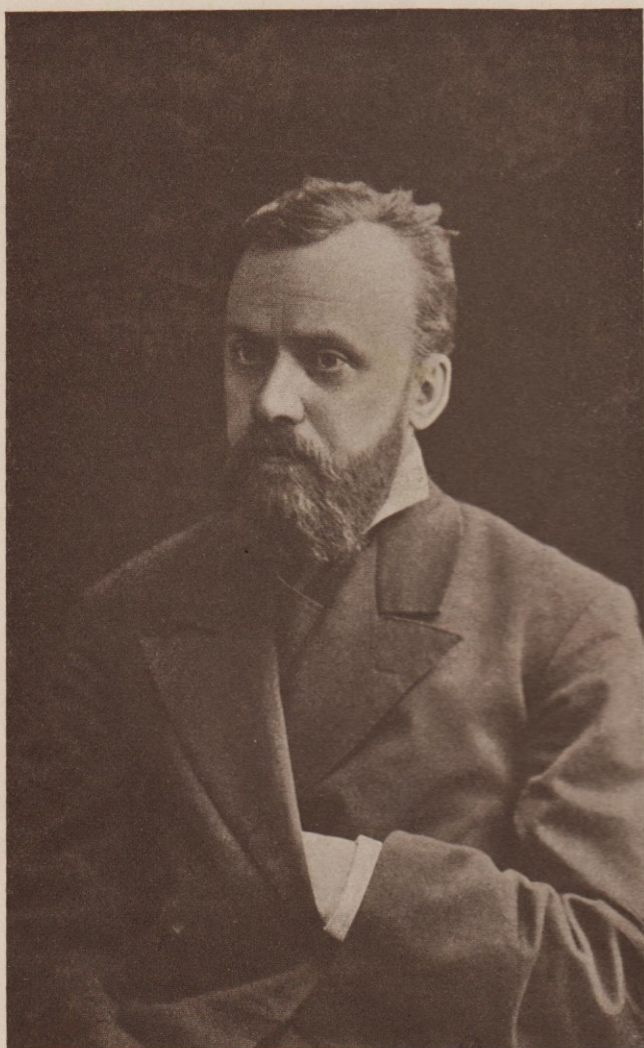

СУМЕРКИ.

Облака полетомъ бурнымъ вспѣнивъ,
Вѣтеръ стихъ и благостень закатъ...
Можетъ быть, когда-нибудь Тургеневъ
Здѣсь грустилъ въ тиши глухихъ оградъ.
Странно-чутки, радостны и кротки,
Вечера задумчиво грустятъ...
Кто скользитъ средь бѣлыхъ лилій въ лодкѣ,
Тишиною нѣжною объятъ.
И о чемъ груститъ онъ въ часъ заката?..
Можетъ быть, о сказочно-быломъ,
Что ушло на-вѣки безъ возврата,
Стало давнимъ, лучезарнымъ сномъ.
Злой туманъ поднялся у купалень,
Пеленою бѣлою ползеть...
Вечеръ тихъ, задумчивъ и печалень,
Надъ земной долиною плыветь.

Юрій Zubовскій.

ГЛѢБЪ ИВАНОВИЧЪ УСПЕНСКІЙ.

Къ 75-лѣтію со дня рожденія
извѣстнаго русскаго писателя.

Лазурная кровь.

Психологическій этюдъ Ал. Богданова.

Болѣзнь Звягинцева пришла неожиданно и бурно. Онъ писалъ ученую диссертацию на тему «Діонисово начало въ древнемъ мірѣ», готовился занять профессорскую кафедру при университетѣ. Труды его уже давно обращали на себя вниманіе обобщающей широтой и смѣлой неожиданностью сужденій,—поражала та легкость мысли, съ которой онъ проникалъ въ самые запутанные вопросы.

Звягинцевъ работалъ лихорадочно, безъ перерыва, даже по ночамъ, съ восторгомъ и терзаніями творчества, а въ минуты отдыха писалъ порывистыя письма своей невѣстѣ Клавдіи, воровалъ украдкой самъ у себя, у своего вдохновенія нѣсколько пламенныхъ мгновеній, чтобъ изъ одной страсти броситься въ другую.

Потомъ пришло письмо отъ Клавдіи, полное убійственной уничтожающей силы: «Возвращаю Вамъ Ваши обѣщанія. Не спрашивайте, какъ и почему. Я выхожу замужъ».

Душа сразу полетѣла въ провалъ. Первые дни Звягинцевъ жилъ въ оцѣпенѣніи. Отказъ невѣсты, правда, не былъ неожиданнымъ,—втайнѣ Звягинцевъ всегда думалъ, что ихъ любовь завершится разрывомъ. Но теперь противъ воли онъ все-же былъ пораженъ происшедшимъ.

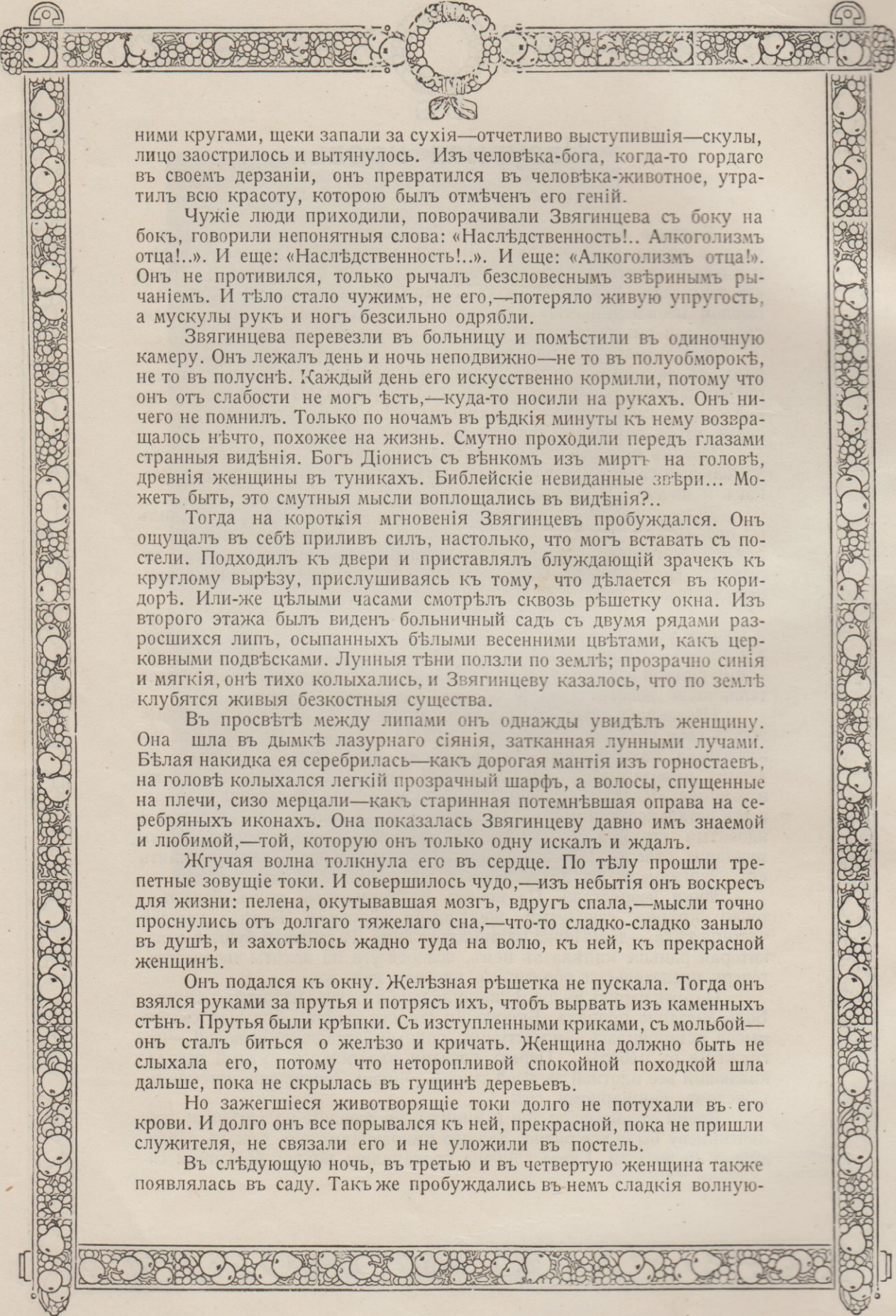
— Да, такъ!.. Должно было случиться такъ!..—съ горькой блуждающей усмѣшкой говорилъ онъ самъ себѣ.—Клавдія аристократка, а я плебей... Ей представилась выгодная партія... Что я могу дать ей, кромѣ шаткой карьеры ученаго?.. Страхъ нужды пересилилъ ея слабую тепличную любовь.

Нѣсколько дней Звягинцевъ жестокими усиліями воли принуждалъ себя уйти отъ душевныхъ терзаній въ работу. Но работа не хватывала, какъ прежде. Мысль беспомощно и разсѣянно билась въ тупомъ мучительномъ кругу, каждый разъ возвращаясь къ одному и тому-же: «Клавдія выходитъ замужъ за другого. Это самое главное, а все остальное ничто!..». И въ его любовь бѣшено влились острые и ядовитыя струйки ненависти. Заговорила оскорбленная гордость мужчины, отвергнутого женщиной: «Нѣтъ, какъ она могла промѣнять его, Звягинцева, на другого?..».

Муки возрастали. По ночамъ разгоряченный мозгъ болѣлъ—точно крѣпко стиснутый желѣзными обручами. Болѣла каждая частица тѣла,—даже кожа на рукахъ и лицѣ. И та самая буйная сила, которая раньше кипѣла въ немъ, вознося его на высоты творчества, теперь предательски обратилась противъ него-же.

Потомъ вдругъ въ душѣ лопнула какая-то туго натянутая струна. Боль внезапно пропала. Бушующія страсти стихли, бѣшенная скачка мысли остановилась,—и наступилъ полный безразличный покой,—погруженіе въ небытіе... Передъ глазами разстилался мутный заволанивающий все плотной завѣсой туманъ. Жизнь Звягинцева потекла въ тяжеломъ кошмарномъ снѣ.

Время отсчитывало дни и минуты, но сознаніе не замѣчало ихъ. Звягинцеву было все равно. Заживо умирающимъ онъ лежалъ равнодушно на постели. Глаза глубоко провалились внутрь большими си-

ними кругами, щеки запали за сухія—отчетливо выступившія—скулы, лицо заострилось и вытянулось. Изъ чловѣка-бога, когда-то гордаго въ своемъ дерзаніи, онъ превратился въ чловѣка-животное, утратилъ всю красоту, которою былъ отмѣченъ его геній.

Чужіе люди приходили, поворачивали Звягинцева съ боку на бокъ, говорили непонятныя слова: «Наслѣдственность!.. Алкоголизмъ отца!..». И еще: «Наслѣдственность!..». И еще: «Алкоголизмъ отца!». Онъ не противился, только рычалъ безсловеснымъ звѣринымъ рычаніемъ. И тѣло стало чужимъ, не его,—потеряло живую упругость, а мускулы рукъ и ногъ безсильно одрябли.

Звягинцева перевезли въ больницу и помѣстили въ одиночную камеру. Онъ лежалъ день и ночь неподвижно—не то въ полуобморокѣ, не то въ полуснѣ. Каждый день его искусственно кормили, потому что онъ отъ слабости не могъ ѣсть,—куда-то носили на рукахъ. Онъ ничего не помнилъ. Только по ночамъ въ рѣдкія минуты къ нему возвращалось нѣчто, похожее на жизнь. Смутно проходили передъ глазами странныя видѣнія. Богъ Діонисъ съ вѣнкомъ изъ миртъ на головѣ, древнія женщины въ туникахъ. Библейскіе невиданныя звѣри... Можетъ быть, это смутныя мысли воплощались въ видѣнія?..

Тогда на короткія мгновенія Звягинцевъ пробуждался. Онъ ощущалъ въ себѣ приливъ силъ, настолько, что могъ вставать съ постели. Подходилъ къ двери и приставлялъ блуждающій зрачекъ къ круглому вырѣзу, прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ коридорѣ. Или-же цѣлыми часами смотрѣлъ сквозь рѣшетку окна. Изъ второго этажа былъ виденъ больничныи садъ съ двумя рядами разросшихся липъ, осыпанныхъ бѣлыми весенними цвѣтами, какъ церковными подвѣсками. Лунныя тѣни ползли по землѣ; прозрачно синія и мягкія, онѣ тихо колыхались, и Звягинцеву казалось, что по землѣ клубятся живыя безкостныя существа.

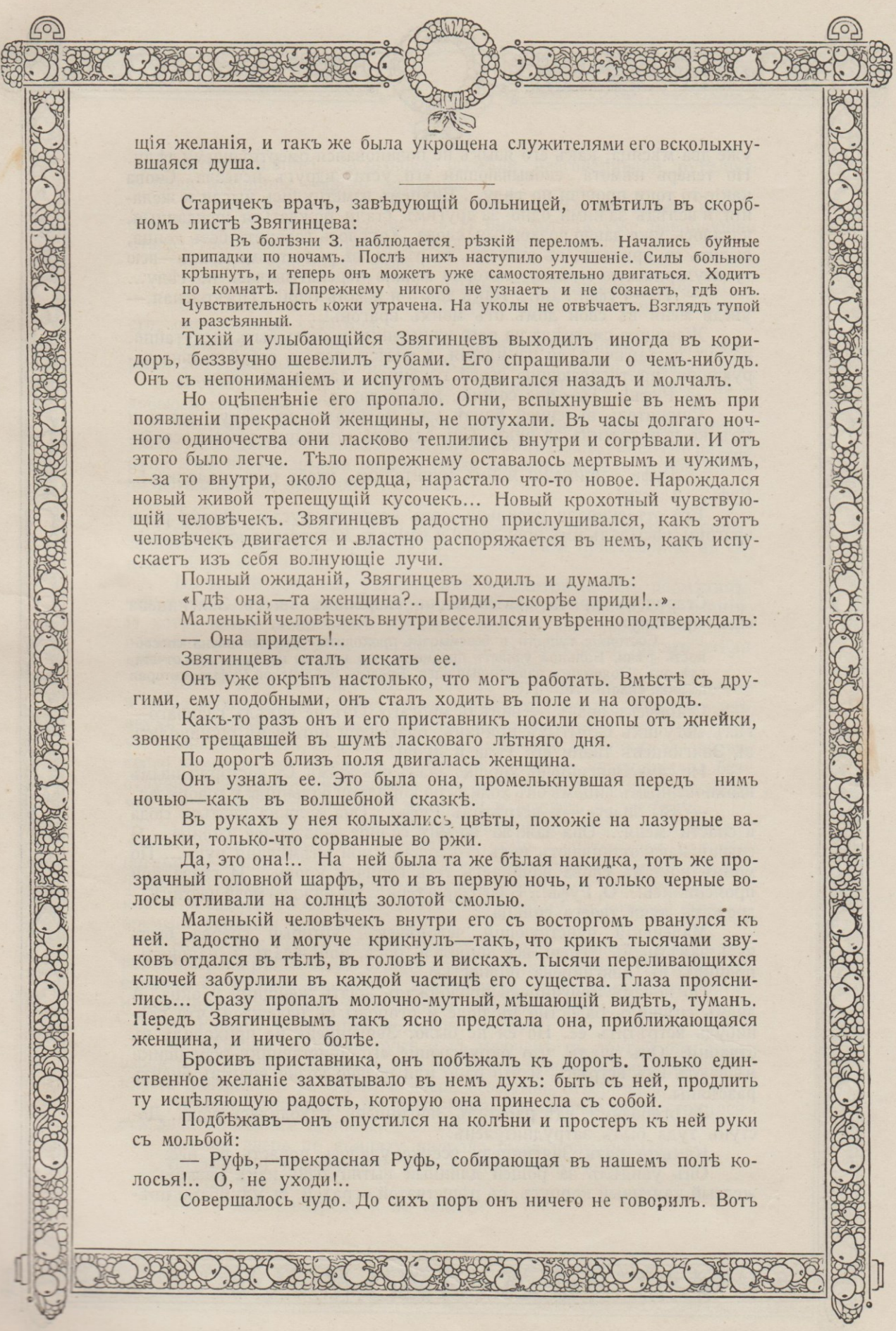
Въ просвѣтѣ между липами онъ однажды увидѣлъ женщину. Она шла въ дымкѣ лазурнаго сіянія, затканная лунными лучами. Бѣлая накидка ея серебрилась—какъ дорогая мантия изъ горностаевъ, на головѣ колыхался легкой прозрачный шарфъ, а волосы, спущенные на плечи, сизо мерцали—какъ старинная потемнѣвшая оправа на серебряныхъ иконахъ. Она показалась Звягинцеву давно имъ знаемой и любимой,—той, которую онъ только одну искалъ и ждалъ.

Жгучая волна толкнула его въ сердце. По тѣлу прошли трепетныя зовущіе токи. И совершилось чудо,—изъ небытія онъ воскресъ для жизни: пелена, окутывавшая мозгъ, вдругъ спала,—мысли точно проснулись отъ долгаго тяжелаго сна,—что-то сладко-сладко заняло въ душѣ, и захотѣлось жадно туда на волю, къ ней, къ прекрасной женщинѣ.

Онъ подался къ окну. Желѣзная рѣшетка не пускала. Тогда онъ взялся руками за прутья и потрясъ ихъ, чтобъ вырвать изъ каменныхъ стѣнъ. Прутья были крѣпки. Съ изступленными криками, съ мольбой—онъ сталъ биться о желѣзо и кричать. Женщина должно быть не слыхала его, потому что неторопливой спокойной походкой шла дальше, пока не скрылась въ гущинѣ деревьевъ.

Но зажегшіеся животворящіе токи долго не потухали въ его крови. И долго онъ все порывался къ ней, прекрасной, пока не пришли служителя, не связали его и не уложили въ постель.

Въ слѣдующую ночь, въ третью и въ четвертую женщина также появлялась въ саду. Такъ же пробуждались въ немъ сладкія волнующіе

щія желанія, и такъ же была укрошена служителями его всколыхнувшаяся душа.

Старичекъ врачъ, завѣдующій больницей, отмѣтилъ въ скорбномъ листѣ Звягинцева:

Въ болѣзни З. наблюдается рѣзкій переломъ. Начались буйные припадки по ночамъ. Послѣ нихъ наступило улучшение. Силы больного крѣпнуть, и теперь онъ можетъ уже самостоятельно двигаться. Ходитъ по комнатамъ. Попрежнему никого не узнаетъ и не сознаетъ, гдѣ онъ. Чувствительность кожи утрачена. На уколы не отвѣчаетъ. Взглядъ тупой и разсѣянный.

Тихій и улыбающійся Звягинцевъ выходилъ иногда въ коридоръ, беззвучно шевелилъ губами. Его спрашивали о чемъ-нибудь. Онъ съ непониманіемъ и испугомъ отодвигался назадъ и молчалъ.

Но оцѣпенѣніе его пропало. Огни, вспыхнувшіе въ немъ при появленіи прекрасной женщины, не потухали. Въ часы долгаго ночного одиночества они ласково теплились внутри и согрѣвали. И отъ этого было легче. Тѣло попрежнему оставалось мертвымъ и чужимъ, — за то внутри, около сердца, нарастало что-то новое. Нарождался новый живой трепещущій кусочекъ... Новый крохотный чувствующій человѣчекъ. Звягинцевъ радостно прислушивался, какъ этотъ человѣчекъ двигается и властно распоряжается въ немъ, какъ испускаетъ изъ себя волнующіе лучи.

Полный ожиданій, Звягинцевъ ходилъ и думалъ:

«Гдѣ она,—та женщина?.. Приди,—скорѣе приди!..».

Маленькій человѣчекъ внутри веселился и увѣренно подтверждалъ:
— Она придетъ!..

Звягинцевъ сталъ искать ее.

Онъ уже окрѣпъ настолько, что могъ работать. вмѣстѣ съ другими, ему подобными, онъ сталъ ходить въ поле и на огородъ.

Какъ-то разъ онъ и его приставникъ носили снопы отъ жнейки, звонко трещащей въ шумѣ ласковаго лѣтняго дня.

По дорогѣ близъ поля двигалась женщина.

Онъ узналъ ее. Это была она, промелькнувшая передъ нимъ ночью—какъ въ волшебной сказкѣ.

Въ рукахъ у нея колыхались цвѣты, похожіе на лазурные васильки, только-что сорванные во ржи.

Да, это она!.. На ней была та же бѣлая накидка, тотъ же прозрачный головной шарфъ, что и въ первую ночь, и только черные волосы отливали на солнцѣ золотой смолой.

Маленькій человѣчекъ внутри его съ восторгомъ рванулся къ ней. Радостно и могуче крикнулъ—такъ, что крикъ тысячами звуковъ отдался въ тѣлѣ, въ головѣ и вискахъ. Тысячи переливающихся ключей забурлили въ каждой частицѣ его существа. Глаза прояснились... Сразу пропалъ молочно-мутный, мѣшающій видѣть, туманъ. Передъ Звягинцевымъ такъ ясно предстала она, приближающаяся женщина, и ничего болѣе.

Бросивъ приставника, онъ побѣжалъ къ дорогѣ. Только единственное желаніе захватывало въ немъ духъ: быть съ ней, продлить ту исцѣляющую радость, которую она принесла съ собой.

Подбѣжавъ—онъ опустился на колѣни и простеръ къ ней руки съ мольбой:

— Руфь,—прекрасная Руфь, собирающая въ нашемъ полѣ колосья!.. О, не уходи!..

Свершалось чудо. До сихъ поръ онъ ничего не говорилъ. Вотъ

уже два мѣсяца, какъ его языкъ не повиновался омертвѣвшему тѣлу. Но теперь нѣмота, сковывающая его уста, вдругъ исчезла. Снова какіе-то токи прошли по тѣлу... Вихремъ взметнулись мысли и желанія, и вслѣдъ за ними одно за другимъ стали рождаться неожиданныя, казалось, уже давно позабытыя, слова. Хотѣлось говорить безъ конца, вылить въ крикахъ, въ стихахъ, въ пѣніи, въ радостномъ плачѣ— всю ту неуправимую музыку, которая мощно перекачивалась по тѣлу...

— Ты—Руфь!.. Да... Какъ долго я ждалъ тебя!.. Прекрасная,— уведи меня въ свой домъ отъ моихъ враговъ!..

Женщина смотрѣла на него изумленно, можетъ быть, испуганно, но онъ не замѣчалъ ея изумленія, а видѣлъ передъ собой только чарующую, притягивающую своей глубиной, лазурь ея глазъ.

— Руфь!.. Ты—мое солнце, моя госпожа!..

Служитель въ синей блузѣ уже подкрался къ нему сзади и крѣпко перехватилъ за руки. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе освободиться.

— Руфь,—прикажи моимъ мучителямъ, чтобъ они удалились!.. Руфь,—я жду!..

Его оттаскивали насильно,—онъ кричалъ, кусалъ цѣпкія руки враговъ, посылалъ имъ проклятыя и взывалъ молитвенно къ женщинѣ.

Старичекъ врачъ отмѣтилъ въ скорбномъ листѣ Звягинцева еще перемѣну:

Состояніе тупости и безмыслія проходить. Возстановлена способность рѣчи. Больной узнаетъ предметы,—но все еще не даетъ себѣ отчета, гдѣ онъ. Появились навязчивыя идеи. Бредитъ библейской Руфью, которая должна спасти его.

Старичекъ врачъ не видѣлъ многого. Онъ не видѣлъ главнаго— тѣхъ могучихъ скрытыхъ причинъ, благодаря которымъ оживлялись въ Звягинцевѣ ткани его тѣла и души.

Но самъ Звягинцевъ хорошо зналъ объ этомъ. Съ восторженнымъ вдохновеннымъ лицомъ онъ ходилъ по коридору больницы и говорилъ:

— Вы знаете,—я встрѣтилъ Руфь!.. Она должна явиться сюда и спасти меня... Она зажгла во мнѣ солнце,—лазурное солнце... Я слышу, какъ оттаиваютъ подъ его лучами мои онѣмѣвшія руки... По моимъ жиламъ снова начинается течъ горячая кровь... И глаза мои прояснились!.. О, Руфь!.. Благодарю тебя!.. Въ каждой моей частицѣ— дрожать лучи твоего солнца...

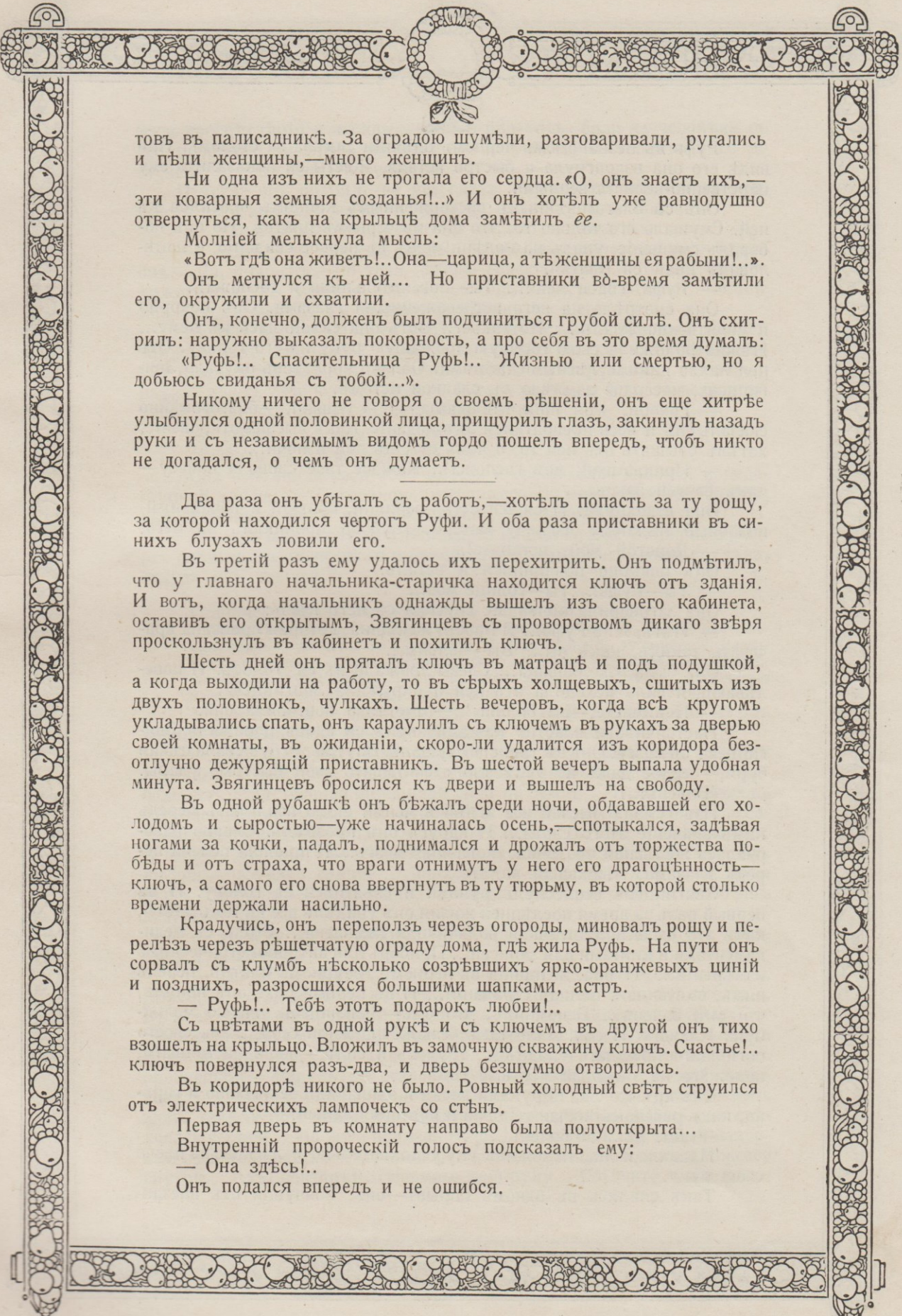
Маленькій чувствующій человѣчекъ, который сперва былъ чуть замѣтнымъ, теперь все ширился, росъ, побѣждалъ и, наконецъ, проникъ въ Звягинцева полностью.

По ночамъ Звягинцевъ продолжалъ ждать женщину у окна. А днемъ спѣшилъ радостно въ поле и огороды съ надеждой, что гдѣ-нибудь встрѣтитъ ее. Но ея не было. Звягинцевъ не приходилъ въ отчаяніе. Онъ зналъ, что окружающіе его приставники-тюремщики мѣшаютъ ихъ встрѣчѣ, и что рано или поздно козни враговъ будутъ разсѣяны.

За огородами, гдѣ работалъ Звягинцевъ, находилась роща. Доступъ туда былъ затруднителенъ.

Какъ-то разъ Звягинцеву все-же удалось попасть въ нее.

Онъ увидѣлъ за рощей длинный вытянутый—какъ казармы—желтый каменный корпусъ, съ рѣшетчатой оградой, съ клумбами цвѣ-

товъ въ палисадникѣ. За оградю шумѣли, разговаривали, ругались и пѣли женщины,—много женщинъ.

Ни одна изъ нихъ не трогала его сердца. «О, онъ знаетъ ихъ,— эти коварныя земныя созданья!..» И онъ хотѣлъ уже равнодушно отвернуться, какъ на крыльцѣ дома замѣтилъ *ее*.

Молніей мелькнула мысль:

«Вотъ гдѣ она живетъ!.. Она—царица, а тѣ женщины ея рабыни!..».

Онъ метнулся къ ней... Но приставники въ-время замѣтили его, окружили и схватили.

Онъ, конечно, долженъ былъ подчиниться грубой силѣ. Онъ схитрилъ: наружно выказалъ покорность, а про себя въ это время думалъ:

«Руфь!.. Спасительница Руфь!.. Жизнью или смертью, но я добьюсь свиданья съ тобой!..».

Никому ничего не говоря о своемъ рѣшеніи, онъ еще хитрѣе улыбнулся одной половинкой лица, прищурилъ глазъ, закинулъ назадъ руки и съ независимымъ видомъ гордо пошелъ впередъ, чтобъ никто не догадался, о чемъ онъ думаетъ.

Два раза онъ убѣгалъ съ работъ,—хотѣлъ попасть за ту рощу, за которой находился чертогъ Руфи. И оба раза приставники въ синихъ блузахъ ловили его.

Въ третій разъ ему удалось ихъ перехитрить. Онъ подмѣтилъ, что у главнаго начальника-старичка находится ключъ отъ зданія. И вотъ, когда начальникъ однажды вышелъ изъ своего кабинета, оставивъ его открытымъ, Звягинцевъ съ проворствомъ дикаго звѣря проскользнулъ въ кабинетъ и похитилъ ключъ.

Шесть дней онъ пряталъ ключъ въ матрацъ и подъ подушкой, а когда выходили на работу, то въ сѣрыхъ холщевыхъ, сшитыхъ изъ двухъ половинокъ, чулкахъ. Шесть вечеровъ, когда всѣ кругомъ укладывались спать, онъ караулилъ съ ключемъ въ рукахъ за дверью своей комнаты, въ ожиданіи, скоро-ли удалится изъ коридора безотлучно дежурящій приставникъ. Въ шестой вечеръ выпала удобная минута. Звягинцевъ бросился къ двери и вышелъ на свободу.

Въ одной рубашкѣ онъ бѣжалъ среди ночи, обдававшей его холодомъ и сыростью—уже начиналась осень,—спотыкался, задѣвая ногами за кочки, падалъ, поднимался и дрожалъ отъ торжества побѣды и отъ страха, что враги отнимутъ у него его драгоценность—ключъ, а самого его снова ввергнуть въ ту тюрьму, въ которой столько времени держали насильно.

Крадучись, онъ переползъ черезъ огороды, миновалъ рощу и перелѣзъ черезъ рѣшетчатую ограду дома, гдѣ жила Руфь. На пути онъ сорвалъ съ клумбъ нѣсколько созрѣвшихъ ярко-оранжевыхъ циній и позднихъ, разросшихся большими шапками, астръ.

— Руфь!.. Тебѣ этотъ подарокъ любви!..

Съ цвѣтами въ одной рукѣ и съ ключемъ въ другой онъ тихо взошелъ на крыльцо. Вложилъ въ замочную скважину ключъ. Счастье!.. ключъ повернулся разъ-два, и дверь безшумно отворилась.

Въ коридорѣ никого не было. Ровный холодный свѣтъ струился отъ электрическихъ лампочекъ со стѣнъ.

Первая дверь въ комнату направо была полуоткрыта...

Внутренній пророческій голосъ подсказалъ ему:

— Она здѣсь!..

Онъ подался впередъ и не ошибся.

Руфь въ незнакомомъ черномъ одѣяніи сидѣла за столомъ. При видѣ его она вздрогнула и быстро встала. Жесты ея показались ему царственно-величественными.

Онъ съ благоговѣйнымъ восторженнымъ крикомъ бросился къ ней. Смущало его только то, что она въ черномъ платьѣ. Но онъ поборолъ смущеніе, упалъ на колѣни, какъ въ первое свиданіе, и поцѣловалъ край ея платья.

— Руфь, спаси меня!.. Ты—повелительница и госпожа!..

Она смотрѣла на него встревоженными глазами. Онъ покорно и молитвенно ждалъ... Что такое?.. Вотъ она склонилась къ нему... Нѣжно положила свою горячую дрожащую руку на его голову. Отъ нея пахло дикими лѣсными цвѣтами. Облако ароматовъ окутало Звягинцева, и сердце замлѣло въ сладкой истомѣ.

— Говори, моя повелительница,—я слушаю!..—благоговѣйно сказалъ онъ и весь превратился въ ожиданіе. Какъ высшее откровеніе, хотѣлъ слышать отъ нея то, о чемъ думалъ дни и ночи...

— Приказывай, моя госпожа!.. Каждое твое слово я понесу—какъ святой законъ...

Она вздохнула. И ея взглядъ, любящій, кроткій и печальный, подобный нѣжному взгляду матери, глубоко проникалъ въ него:

— Дорогой мой, встаньте!..

Онъ покорно подчинился и всталъ.

— Ты—Руфь!.. Ты—солнце мое!..

Она заговорила опять, не спуская съ него глазъ:

— Нѣтъ, я не Руфь... Я просто женщина, которая призвана речевать такихъ, какъ вы... Вы—больны!..

Она была взволнована... Слезы дрожали въ ея голосѣ. И повелѣвающая сила исходила отъ нея и окружала Звягинцева.

— Понимаете,—вы больны!..—отчетливо повторила она.

Настойчиво и властно каждый звукъ ея словъ поражалъ Звягинцева въ мозгъ. Онъ въ трепетѣ слушалъ. Внутри его бушевала цѣлая буря,—сердце даже не успѣвало отсчитывать свои быстрые удары. «Болень!..»

Изъ тумана мыслей все яснѣй и яснѣй стало всплывать передъ нимъ значеніе этого слова... И вдругъ онъ прозрѣлъ. Словно разорвалась желѣзная оболочка, сковавшая мозгъ... И пропала пелена передъ глазами, мѣшавшая видѣть...

Звягинцевъ всплеснулъ руками и схватился за голову. И въ первый разъ за время послѣдней жизни онъ увидѣлъ все въ томъ свѣтѣ, какъ это было... Маленькая больничная комнатка... Столъ съ медикаментами и книгами для записей... Приборъ для антропометрическихъ измѣреній... И она, женщина въ черномъ траурномъ платьѣ, передъ нимъ, смятенная, полная страданія... И въ первый разъ онъ понялъ, что онъ болень... вспомнилъ, что онъ—Звягинцевъ, тѣнью мелькнула Клавдія. И ему стало такъ безконечно жаль себя, жаль своего погибшаго прошлаго—надеждъ, трудовъ и силъ,—жалъ настоящаго, похожаго на тяжелый мертвый сонъ.

Онъ крѣпко сжалъ руками виски и заплакалъ безутѣшно и горько, какъ ребенокъ, качая головой и повторяя за ней:

— Да, да... Я болень!..

Плакала и она, положивъ ему успокоительно и ласково на плечо свою руку.

Такъ слились въ одномъ порывѣ—онъ, плачущій отъ внезап-

наго просвѣтлѣнія и жажды жизни, и она—отъ боли за человѣка съ его непонятными превращеніями, человѣка генія, низведеннаго до степени безсмысленнаго существа.

И когда онъ поднялъ на нее глаза, ему почудилось, что въ ней, кромѣ безграничной жалости къ нему, есть также и любовь.

— Успокойтесь, не плачьте!..—нѣжно сказала она.

— Нѣтъ,—ты спасешь меня!..—жаднымъ шопотомъ заговорилъ онъ.—Да, я боленъ,—но твоя любовь спасетъ меня... Только любовь можетъ излечить меня... Любовь—солнце,—лазурное солнце... Солнце мое,—спаси меня!.. Ты давно уже сіяешь во мнѣ...

Испугъ отразился на ея лицѣ... Пришла мысль: «Почемъ знать?.. Можетъ быть, онъ правъ?.. Можетъ быть, дѣйствительно, его безумному уму открылась великая и тайная истина, которую они, врачи, и наука ищутъ бесплодно: можетъ быть, любовь и есть та возрождающая сила, которая исцѣляетъ безуміе?..».

Но сейчасъ же она сама остановила себя:

«Любовь къ больному?.. Какая нелѣпость!..»

Она вспомнила свои обязанности и сразу стала далекой и недоступной для него... Осторожно отстраняясь отъ него, чтобъ не обидѣть, она протянула руку къ колокольчику и позвонила.

И когда вошли служительницы, то нашли ее уже успокоившуюся отъ слезъ и его, поникшаго и покорнаго. И покорнаго увели его туда, откуда онъ явился.

Старичекъ врачъ въ скорбномъ листѣ писалъ:

Послѣ побѣга въ Звягинцевѣ произошло временное улучшение, не имѣющее, однако, устойчиваго характера. Иногда сознание затемняется. Развивается склонность къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Часто находятъ безпричинные приступы тоски. Тогда больной подолгу плачетъ. Навязчивыя идеи о спасительницѣ Руфи не исчезли.

У Звягинцева не было другихъ слушателей, кромѣ врача. И онъ ходилъ съ нимъ подъ руку по коридору и говорилъ:

— Да, докторъ!.. Современный міръ весь пропитанъ враждой женщинъ и мужчинъ. Жизнь—борьба, а отъ борьбы—гибель. Но любовь есть единственная зиждущая сила на землѣ... Только не любовь современной женщины, эгоистичной и желающей властвовать... Современная женщина—врагъ мужчины и мститъ за свое порабощеніе... А любовь древняя, библейская или эллинская, чистая и святая... Эта любовь—лазурное солнце... Докторъ, я знаю, что я боленъ, но я вѣрю, что библейская женщина придетъ и еще ярче разгорится во мнѣ лазурное солнце...

— Почему же лазурное?..—наблюдая за измѣненіями его лица, спросилъ врачъ.

— Почему?.. Потому, что это—солнце, дающее всему жизнь... Докторъ, когда я былъ здоровъ, я могъ творить, я много писалъ... Въ моей крови непрерывно рождались лазурные приливы... Знаете,—такіе свѣтящіеся и горячіе,—и отъ этого моя мысль вспыхивала... Чѣмъ сильнѣе приливы, тѣмъ выше мысль... Объясните же мнѣ, почему такъ произошло?.. Вдругъ не стало лазурныхъ приливовъ и мой мозгъ уснулъ... Пожалуйста, не возражайте!.. Въ нашей душѣ жизнь идетъ такими приливами и отливами... Я погибалъ... Кровь моя сдѣлалась черной... Но вотъ явилась Руфь... вмѣстѣ съ ней новый лазурный приливъ—какъ электрическая молнія—прошелъ во мнѣ и зажегся внутри... Ахъ, докторъ!.. Возьмите мою руку... Слышите, какъ колы-

шатся въ ней лазурные огни?.. Пощупайте мой лобъ... Развѣ вамъ не ясно, что тамъ—солнце...

Врачъ внимательно смотрѣлъ на него сквозь очки, а Звягинцевъ продолжалъ:

— Вы считаете меня сумасшедшимъ, но я разсуждаю совершенно правильно. Вы знаете, что любовь окрыляетъ людей?.. Сапожники становятся поэтами... О-го!.. Отвѣтьте мнѣ, почему такъ?.. Что происходитъ съ ихъ кровью?.. Вы не знаете, а я знаю... Это лазурные приливы... Ужасъ и страданія уничтожаютъ приливъ... Кровь погасаетъ... Въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго... Можетъ быть, тутъ дѣйствуетъ еще не найденная сила—вродѣ лазурнаго радія... Страданіе убиваетъ и тушитъ огни, а любовь и радость зажигаютъ ихъ... И зажженные огни горять-горять... Будутъ горѣть, пока ихъ не оборвутъ...

Звягинцевъ наклонился ближе къ доктору и сталъ шептать на ухо:

— Это—загадка, докторъ... Загадка возрожденія жизни... Приливы и отливы... Знаете, докторъ... Когда явилась Руфь—первый приливъ былъ маленькій, чуть-чуть замѣтный... Лазурныя волны поднялись въ сердцѣ и тихо-тихо разливали во мнѣ теплоту... Слышите?.. Потому я встрѣтилъ Руфь въ полѣ съ цвѣтами... Лазурныя волны закипѣли, какъ валы... О, радость!.. Теперь я знаю, докторъ... Будетъ еще приливъ... Волны поднимутся высоко-высоко,—и я буду спасенъ... Не томите меня!.. Не совершайте святотатства!.. Отдайте мнѣ мое солнце, мою Руфь...

Врачъ запоминалъ его безсвязныя рѣчи и думалъ:

«Странно, какъ проблески здороваго и логичнаго переплетены въ его умѣ съ нелѣпымъ и бредовымъ!».

А Звягинцевъ уходилъ отъ него съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вотъ скоро придетъ Руфь.

И она явилась.

Онъ стоялъ ночью на лѣстницѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ, что внизу на первой ступени—она.

Издали она протягивала къ нему руки и манила.

Такъ была прекрасна она и такъ неотразимо влекла къ себѣ. Звягинцевъ смотрѣлъ на нее—не отрываясь—широкими загорѣвшимися зрачками. Она благостная и чистая, въ бѣлыхъ одеждахъ, вся прозрачно и безплотно свѣтилась.

Неудержимая ликующая радость охватила его.

— Руфь!..—крикнулъ онъ.

— Я пришла!.. Иди же ко мнѣ, милый!..—тихимъ вѣяніемъ прошелестила она въ отвѣтъ.

И все его существо переполнилось ея призывомъ.

— Руфь!.. Солнце мое!..—восторженно повторилъ онъ.

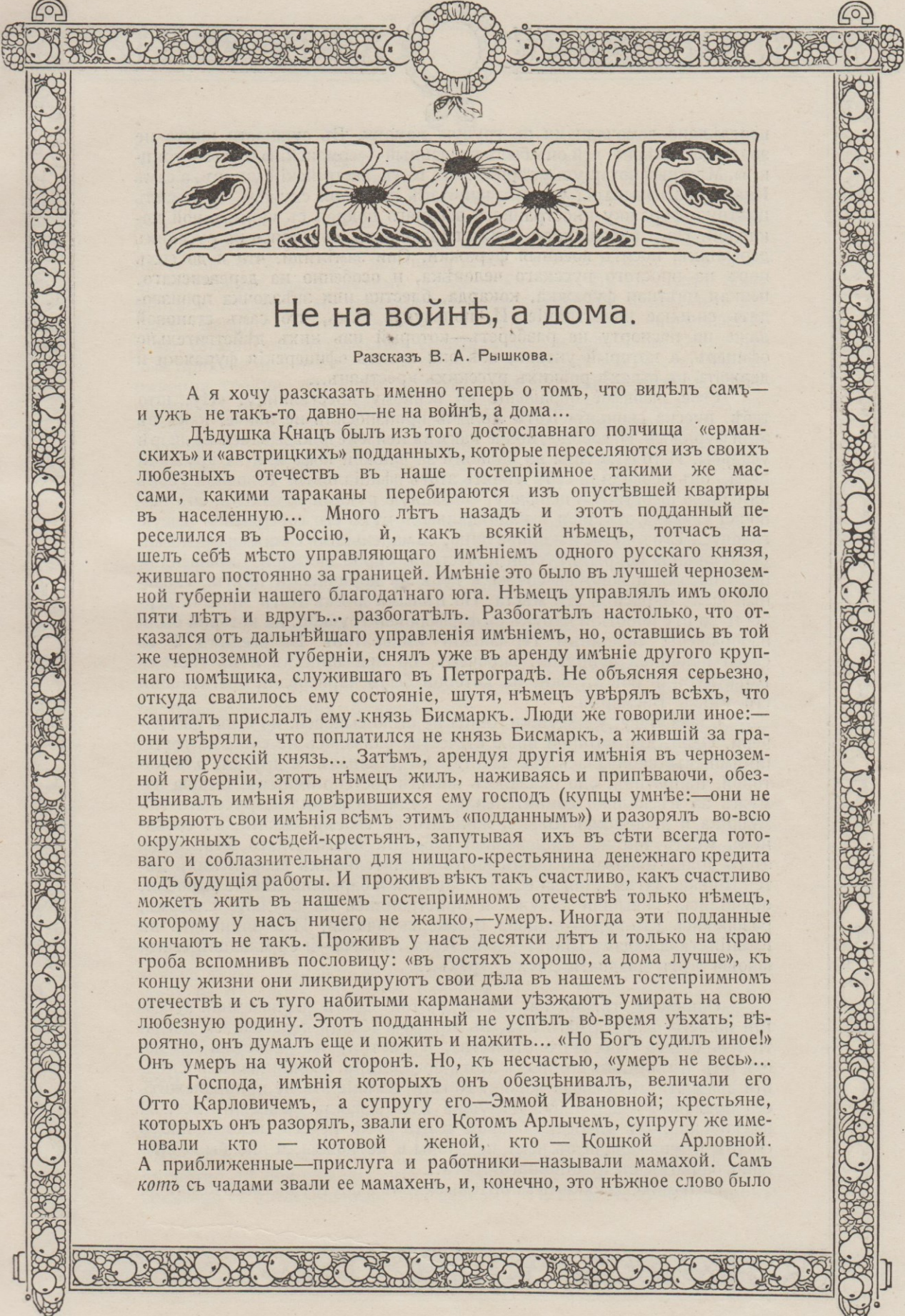
— Иди же!..—сказала она.

Тогда онъ отъ сладкаго переполненія счастьемъ закрылъ глаза, выкинулъ впередъ руки и бросился къ ней...

Онъ не помнилъ, какъ что-то острое и холодное ударило его въ голову. На мгновеніе безчисленныя красныя искры полыхнули въ глазахъ, и все пропало.

Когда черезъ нѣсколько минутъ служителя подбѣжали къ нему, онъ лежалъ на нижней ступени лѣстницы. Изъ прободеннаго виска на камень струилась кровь. И на мертвомъ лицѣ его играла еще не остывшая счастливая улыбка любви.

Ал. Богдановъ.

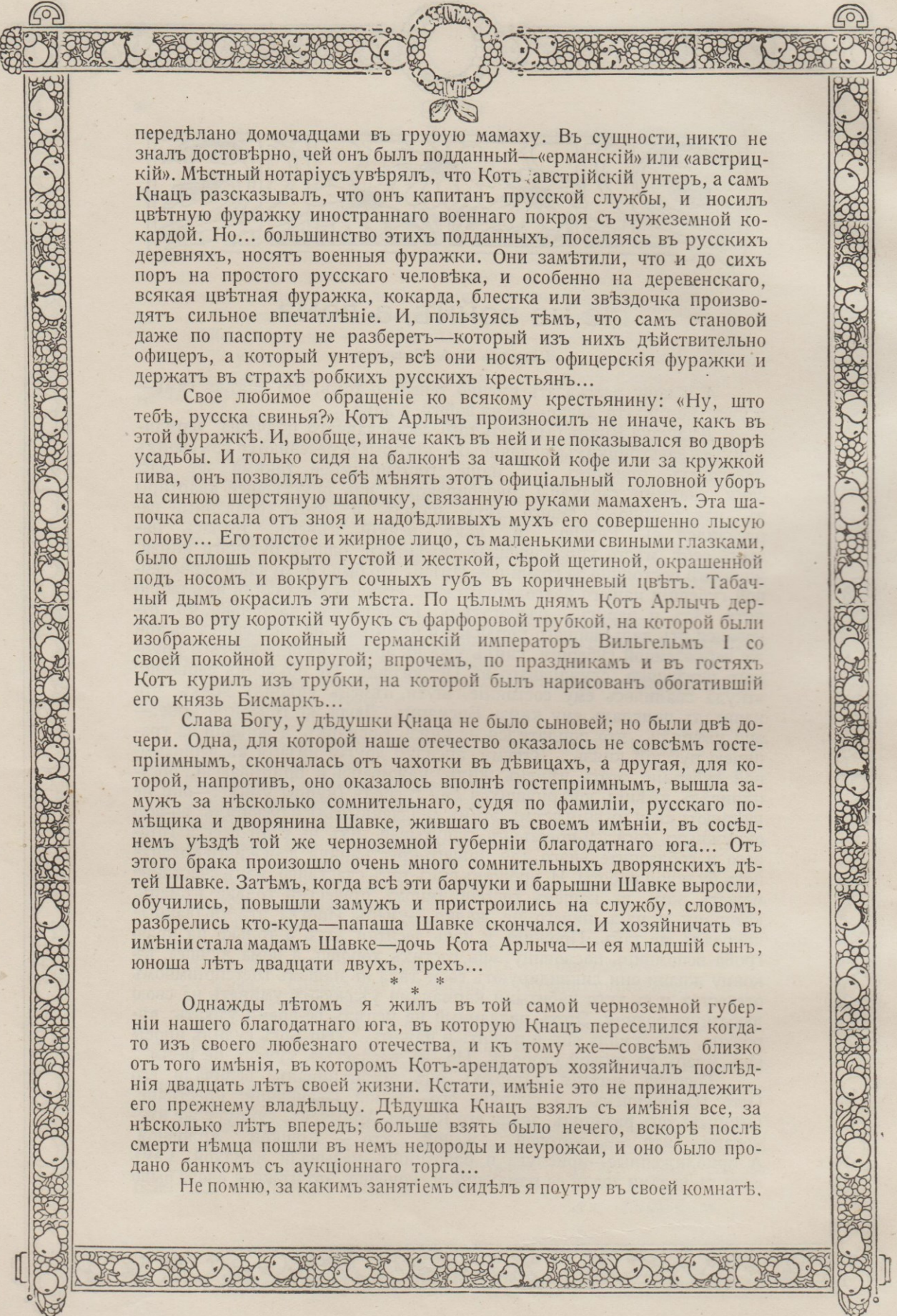
Не на войнѣ, а дома.

Разсказъ В. А. Рышкова.

А я хочу разсказать именно теперь о томъ, что видѣлъ самъ—и ужъ не такъ-то давно—не на войнѣ, а дома...

Дѣдушка Кнацъ былъ изъ того достославнаго полчища «германскихъ» и «австрицкихъ» подданныхъ, которые переселяются изъ своихъ любезныхъ отечествъ въ наше гостепріимное такими же массами, какими тараканы перебираются изъ опустѣвшей квартиры въ населенную... Много лѣтъ назадъ и этотъ подданный переселился въ Россію, и, какъ всякій нѣмецъ, тотчасъ нашель себѣ мѣсто управляющаго имѣніемъ одного русскаго князя, жившаго постоянно за границей. Имѣніе это было въ лучшей черноземной губерніи нашего благодатнаго юга. Нѣмецъ управляль имъ около пяти лѣтъ и вдругъ... разбогатѣль. Разбогатѣль настолько, что отказался отъ дальнѣйшаго управленія имѣніемъ, но, оставшись въ той же черноземной губерніи, сняль уже въ аренду имѣніе другого крупнаго помѣщика, служившаго въ Петроградѣ. Не объясняя серьезно, откуда свалилось ему состояніе, шутя, нѣмецъ увѣряль всѣхъ, что капиталъ прислалъ ему князь Бисмаркъ. Люди же говорили иное:—они увѣряли, что поплатился не князь Бисмаркъ, а жившій за границею русскій князь... Затѣмъ, арендуя другія имѣнія въ черноземной губерніи, этотъ нѣмецъ жилъ, наживаясь и припѣваячи, обезцѣнивалъ имѣнія довѣрившихся ему господъ (купцы умнѣе:—они не вѣрять свои имѣнія всѣмъ этимъ «подданнымъ») и разоряль во-всю окружающихъ сосѣдей-крестьянъ, запутывая ихъ въ сѣти всегда готоваго и соблазнительнаго для нищаго-крестьянина денежнаго кредита подъ будущія работы. И проживъ вѣкъ такъ счастливо, какъ счастливо можетъ жить въ нашемъ гостепріимномъ отечествѣ только нѣмецъ, которому у насъ ничего не жалко,—умеръ. Иногда эти подданные кончаютъ не такъ. Проживъ у насъ десятки лѣтъ и только на краю гроба вспомнивъ пословицу: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше», къ концу жизни они ликвидируютъ свои дѣла въ нашемъ гостепріимномъ отечествѣ и съ туго набитыми карманами уѣзжаютъ умирать на свою любезную родину. Этотъ подданный не успѣль въ-время уѣхать; вѣроятно, онъ думалъ еще и пожить и нажить... «Но Богъ судиль иное!» Онъ умеръ на чужой сторонѣ. Но, къ несчастью, «умеръ не весь»...

Господа, имѣнія которыхъ онъ обезцѣнивалъ, величали его Отто Карловичемъ, а супругу его—Эммой Ивановной; крестьяне, которыхъ онъ разоряль, звали его Котомъ Арлычемъ, супругу же именовали кто — котовой женой, кто — Кошкой Арловной. А приближенные—прислуга и работники—называли мамахой. Самъ *котъ* съ чадами звали ее мамахень, и, конечно, это нѣжное слово было

передѣлано домочадцами въ грубую мамаху. Въ сущности, никто не зналъ достоверно, чей онъ былъ подданный—«ерманскій» или «австрицкій». Мѣстный нотаріусъ увѣрялъ, что Коть австрийскій унтеръ, а самъ Кнаць рассказывалъ, что онъ капитанъ прусской службы, и носилъ цвѣтную фуражку иностраннаго военнаго покроя съ чужеземной кокардой. Но... большинство этихъ подданныхъ, поселяясь въ русскихъ деревняхъ, носятъ военныя фуражки. Они замѣтили, что и до сихъ поръ на простого русскаго человѣка, и особенно на деревенскаго, всякая цвѣтная фуражка, кокарда, блестя или звѣздочка производятъ сильное впечатлѣніе. И, пользуясь тѣмъ, что самъ становой даже по паспорту не разбереть—который изъ нихъ дѣйствительно офицеръ, а который унтеръ, всѣ они носятъ офицерскія фуражки и держатъ въ страхѣ робкихъ русскихъ крестьянъ...

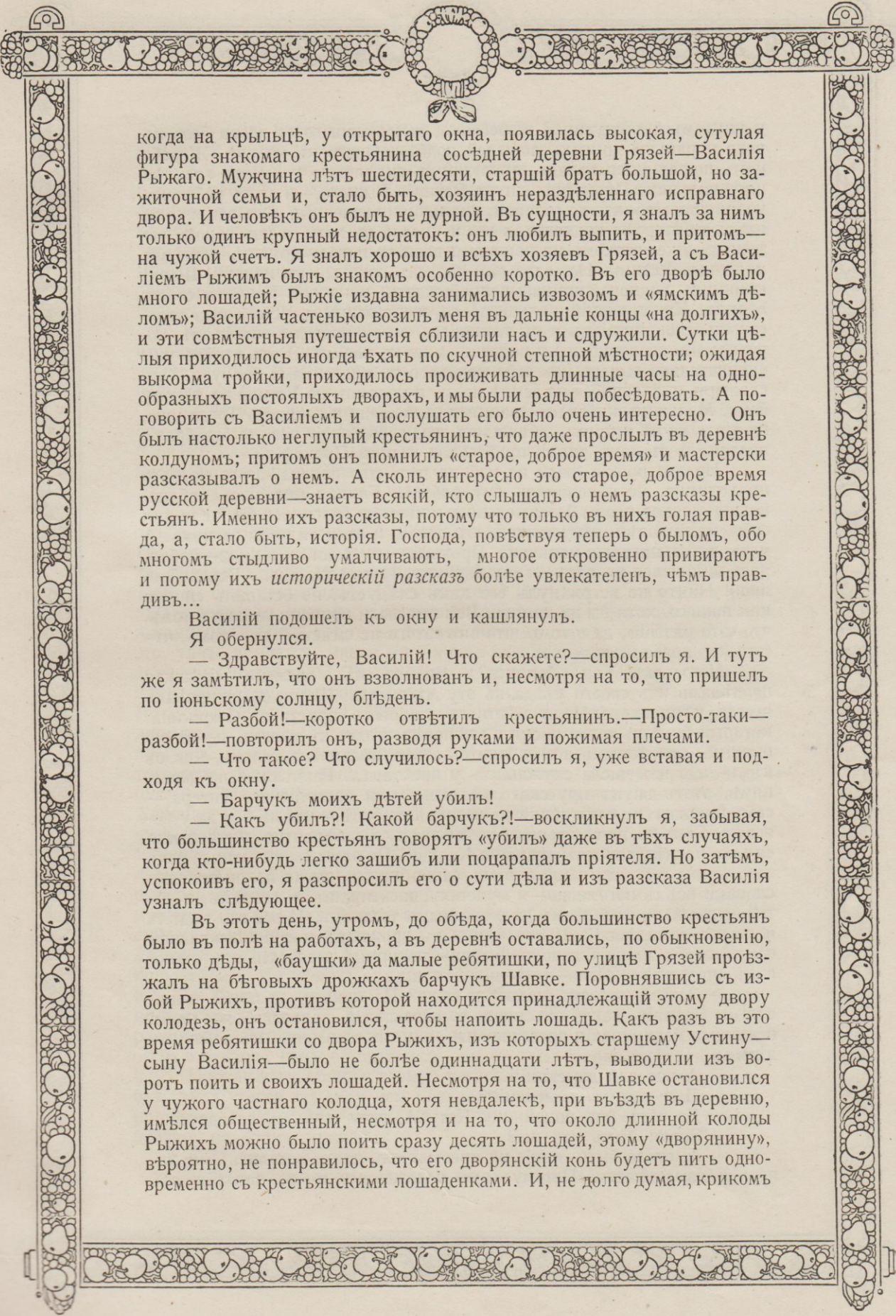
Свое любимое обращеніе ко всякому крестьянину: «Ну, што тебѣ, русска свинья?» Коть Арлычъ произносилъ не иначе, какъ въ этой фуражкѣ. И, вообще, иначе какъ въ ней и не показывался во дворѣ усадьбы. И только сидя на балконѣ за чашкой кофе или за кружкой пива, онъ позволялъ себѣ мѣнять этотъ офиціальнй головной уборъ на синюю шерстяную шапочку, связанную руками мамахень. Эта шапочка спасала отъ зноя и надоедливыхъ мухъ его совершенно лысую голову... Его толстое и жирное лицо, съ маленькими свиными глазками, было сплошь покрыто густой и жесткой, сѣрой щетиной, окрашенной подъ носомъ и вокругъ сочныхъ губъ въ коричневый цвѣтъ. Табачный дымъ окрасилъ эти мѣста. По цѣлымъ днямъ Коть Арлычъ держалъ во рту короткій чубукъ съ фарфоровой трубкой, на которой были изображены покойный германскій императоръ Вильгельмъ I со своей покойной супругой; впрочемъ, по праздникамъ и въ гостяхъ Коть курилъ изъ трубки, на которой былъ нарисованъ обогатившій его князь Бисмаркъ...

Слава Богу, у дѣдушки Кнаца не было сыновей; но были двѣ дочери. Одна, для которой наше отечество оказалось не совсѣмъ гостепріимнымъ, скончалась отъ чахотки въ дѣвицахъ, а другая, для которой, напротивъ, оно оказалось вполне гостепріимнымъ, вышла замужъ за нѣсколько сомнительнаго, судя по фамиліи, русскаго помѣщика и дворянина Шавке, жившаго въ своемъ имѣніи, въ сосѣднемъ уѣздѣ той же черноземной губерніи благодатнаго юга... Отъ этого брака произошло очень много сомнительныхъ дворянскихъ дѣтей Шавке. Затѣмъ, когда всѣ эти барчуки и барышни Шавке выросли, обучились, повышли замужъ и пристроились на службу, словомъ, разбрелись кто-куда—папаша Шавке скончался. И хозяйничать въ имѣніи стала мадамъ Шавке—дочь Кота Арлыча—и ея младшій сынъ, юноша лѣтъ двадцати двухъ, трехъ...

* * *

Однажды лѣтомъ я жилъ въ той самой черноземной губерніи нашего благодатнаго юга, въ которую Кнаць переселился когда изъ своего любезнаго отечества, и къ тому же—совсѣмъ близко отъ того имѣнія, въ которомъ Коть-арендаторъ хозяйничалъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни. Кстати, имѣніе это не принадлежитъ его прежнему владѣльцу. Дѣдушка Кнаць взялъ съ имѣнія все, за нѣсколько лѣтъ впередъ; больше взять было нечего, вскорѣ послѣ смерти нѣмца пошли въ немъ недороды и неурожай, и оно было продано банкомъ съ аукціоннаго торга...

Не помню, за какимъ занятіемъ сидѣлъ я поутру въ своей комнатѣ.

когда на крыльцѣ, у открытаго окна, появилась высокая, сутулая фигура знакомаго крестьянина сосѣдней деревни Грязей—Василія Рыкаго. Мужчина лѣтъ шестидесяти, старшій братъ большой, но зажиточной семьи и, стало быть, хозяинъ нераздѣленнаго исправнаго двора. И человекъ онъ былъ не дурной. Въ сущности, я зналъ за нимъ только одинъ крупный недостатокъ: онъ любилъ выпить, и притомъ—на чужой счетъ. Я зналъ хорошо и всѣхъ хозяевъ Грязей, а съ Васи-лиемъ Рыжимъ былъ знакомъ особенно коротко. Въ его дворѣ было много лошадей; Рыжіе издавна занимались извозомъ и «ямскимъ дѣломъ»; Василій частенько возилъ меня въ дальніе концы «на долгихъ», и эти совмѣстныя путешествія сблизили насъ и сдружили. Сутки цѣ-лая приходилось иногда ѣхать по скучной степной мѣстности; ожидая выкорма тройки, приходилось просиживать длинные часы на одно-образныхъ постоялыхъ дворахъ, и мы были рады побесѣдовать. А по-говорить съ Васириемъ и послушать его было очень интересно. Онъ былъ настолько неглупый крестьянинъ, что даже прослылъ въ деревнѣ колдуномъ; притомъ онъ помнилъ «старое, доброе время» и мастерски рассказывалъ о немъ. А сколь интересно это старое, доброе время русской деревни—знаетъ всякій, кто слышалъ о немъ рассказы кре-стьянъ. Именно ихъ рассказы, потому что только въ нихъ голая прав-да, а, стало быть, исторія. Господа, повѣствуя теперь о быломъ, обо-многому стыдливо умалчиваютъ, многое откровенно привираютъ и потому ихъ *историческій* рассказъ болѣе увлекателенъ, чѣмъ прав-дивъ...

Василій подошелъ къ окну и кашлянулъ.

Я обернулся.

— Здравствуйте, Василій! Что скажете?—спросилъ я. И тутъ же я замѣтилъ, что онъ взволнованъ и, несмотря на то, что пришелъ по іюньскому солнцу, блѣденъ.

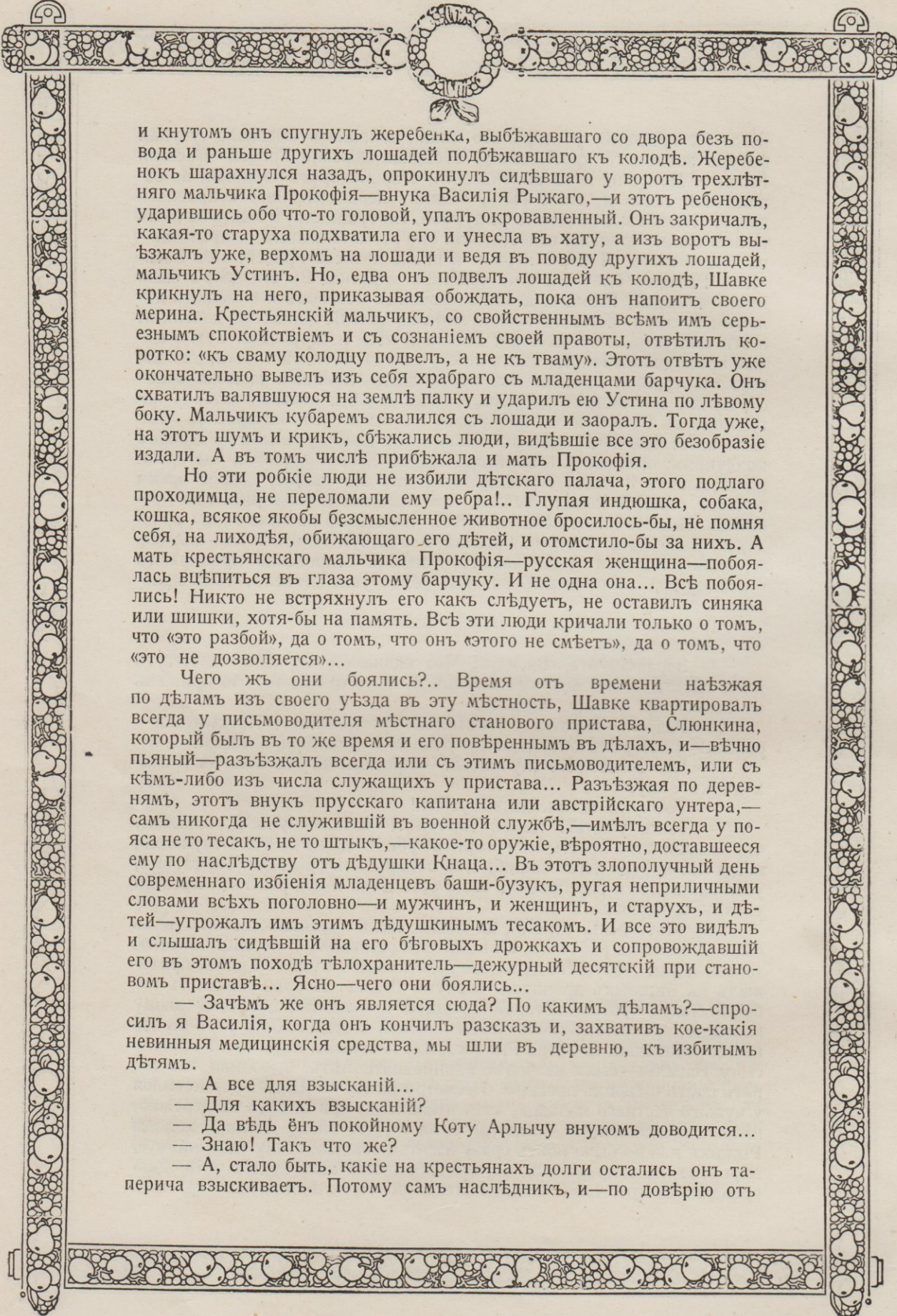
— Разбой!—коротко отвѣтилъ крестьянинъ.—Просто-таки—разбой!—повторилъ онъ, разводя руками и пожимая плечами.

— Что такое? Что случилось?—спросилъ я, уже вставая и под-ходя къ окну.

— Барчукъ моихъ дѣтей убилъ!

— Какъ убилъ?! Какой барчукъ?!—воскликнулъ я, забывая, что большинство крестьянъ говорятъ «убилъ» даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь легко зашибъ или поцарапалъ пріятеля. Но затѣмъ, успокоивъ его, я разспросилъ его о сути дѣла и изъ рассказа Василія узналъ слѣдующее.

Въ этотъ день, утромъ, до обѣда, когда большинство крестьянъ было въ полѣ на работахъ, а въ деревнѣ оставались, по обыкновенію, только дѣды, «баушки» да малые ребятишки, по улицѣ Грязей проѣз-жалъ на бѣговыхъ дрожкахъ барчукъ Шавке. Поровнявшись съ из-бой Рыжихъ, противъ которой находится принадлежащій этому двору колодезь, онъ остановился, чтобы напоить лошадь. Какъ разъ въ это время ребятишки со двора Рыжихъ, изъ которыхъ старшему Устину—сыну Василія—было не болѣе одиннадцати лѣтъ, выводили изъ во-ротъ поить и своихъ лошадей. Несмотря на то, что Шавке остановился у чужога частнаго колодца, хотя невадалекъ, при вѣздѣ въ деревню, имѣлся общественный, несмотря и на то, что около длинной колоды Рыжихъ можно было поить сразу десять лошадей, этому «дворянину», вѣроятно, не понравилось, что его дворянскій конь будетъ пить одно-временно съ крестьянскими лошаденками. И, не долго думая, крикомъ

и кнутомъ онъ спугнулъ жеребенка, выбѣжавшаго со двора безъ повода и раньше другихъ лошадей подбѣжавшаго къ колодѣ. Жеребенокъ шарахнулся назадъ, опрокинулъ сидѣвшаго у воротъ трехлѣтняго мальчика Прокофія—внука Василя Рыжаго,—и этотъ ребенокъ, ударившись обо что-то головой, упалъ окровавленный. Онъ закричалъ, какая-то старуха подхватила его и унесла въ хату, а изъ воротъ выѣзжалъ уже, верхомъ на лошади и ведя въ поводу другихъ лошадей, мальчикъ Устинъ. Но, едва онъ подвелъ лошадей къ колодѣ, Шавке крикнулъ на него, приказывая обождать, пока онъ напоить своего мерина. Крестьянскій мальчикъ, со свойственнымъ всѣмъ имъ серьезнымъ спокойствіемъ и съ сознаниемъ своей правоты, отвѣтилъ коротко: «къ сваму колодцу подвель, а не къ твамю». Этотъ отвѣтъ уже окончательно вывелъ изъ себя храбраго съ младенцами барчука. Онъ схватилъ валявшуюся на землѣ палку и ударилъ ею Устина по лѣвому боку. Мальчикъ кубаремъ свалился съ лошади и заоралъ. Тогда уже, на этотъ шумъ и крикъ, сбѣжались люди, видѣвшіе все это безобразіе издали. А въ томъ числѣ прибѣжала и мать Прокофія.

Но эти робкіе люди не избили дѣтскаго палача, этого подлаго проходимца, не переломали ему ребра!.. Глупая индюшка, собака, кошка, всякое якобы безсмысленное животное бросилось-бы, не помня себя, на лиходѣя, обижающаго его дѣтей, и отомстило-бы за нихъ. А мать крестьянскаго мальчика Прокофія—русская женщина—побоялась вѣцпиться въ глаза этому барчуку. И не одна она... Всѣ побоялись! Никто не встряхнулъ его какъ слѣдуетъ, не оставилъ синяка или шишки, хотя-бы на память. Всѣ эти люди кричали только о томъ, что «это разбой», да о томъ, что онъ «этого не смѣетъ», да о томъ, что «это не дозволяется»...

Чего жъ они боялись?.. Время отъ времени наѣзжая по дѣламъ изъ своего уѣзда въ эту мѣстность, Шавке квартировали всегда у писмоводителя мѣстнаго становаго пристава, Слюнкина, который былъ въ то же время и его повѣреннымъ въ дѣлахъ, и—вѣчно пьяный—разъѣзжалъ всегда или съ этимъ писмоводителемъ, или съ кѣмъ-либо изъ числа служащихъ у пристава... Разъѣзжая по деревнямъ, этотъ внукъ прусскаго капитана или австрійскаго унтера,—самъ никогда не служившій въ военной службѣ,—имѣлъ всегда у пояса не то тесакъ, не то штыкъ,—какое-то оружіе, вѣроятно, доставшееся ему по наслѣдству отъ дѣдушки Кнаца... Въ этотъ злополучный день современнаго избіенія младенцевъ башки-бузукъ, ругая неприличными словами всѣхъ поголовно—и мужчинъ, и женщинъ, и старухъ, и дѣтей—угрожалъ имъ этимъ дѣдушкинымъ тесакомъ. И все это видѣлъ и слышалъ сидѣвшій на его бѣговыхъ дрожкахъ и сопровождавшій его въ этомъ походѣ тѣлохранитель—дежурный десятскій при станомъ приставѣ... Ясно—чего они боялись...

— Зачѣмъ же онъ является сюда? По какимъ дѣламъ?—спросилъ я Василя, когда онъ кончилъ рассказъ и, захвативъ кое-какія невинныя медицинскія средства, мы шли въ деревню, къ избитымъ дѣтямъ.

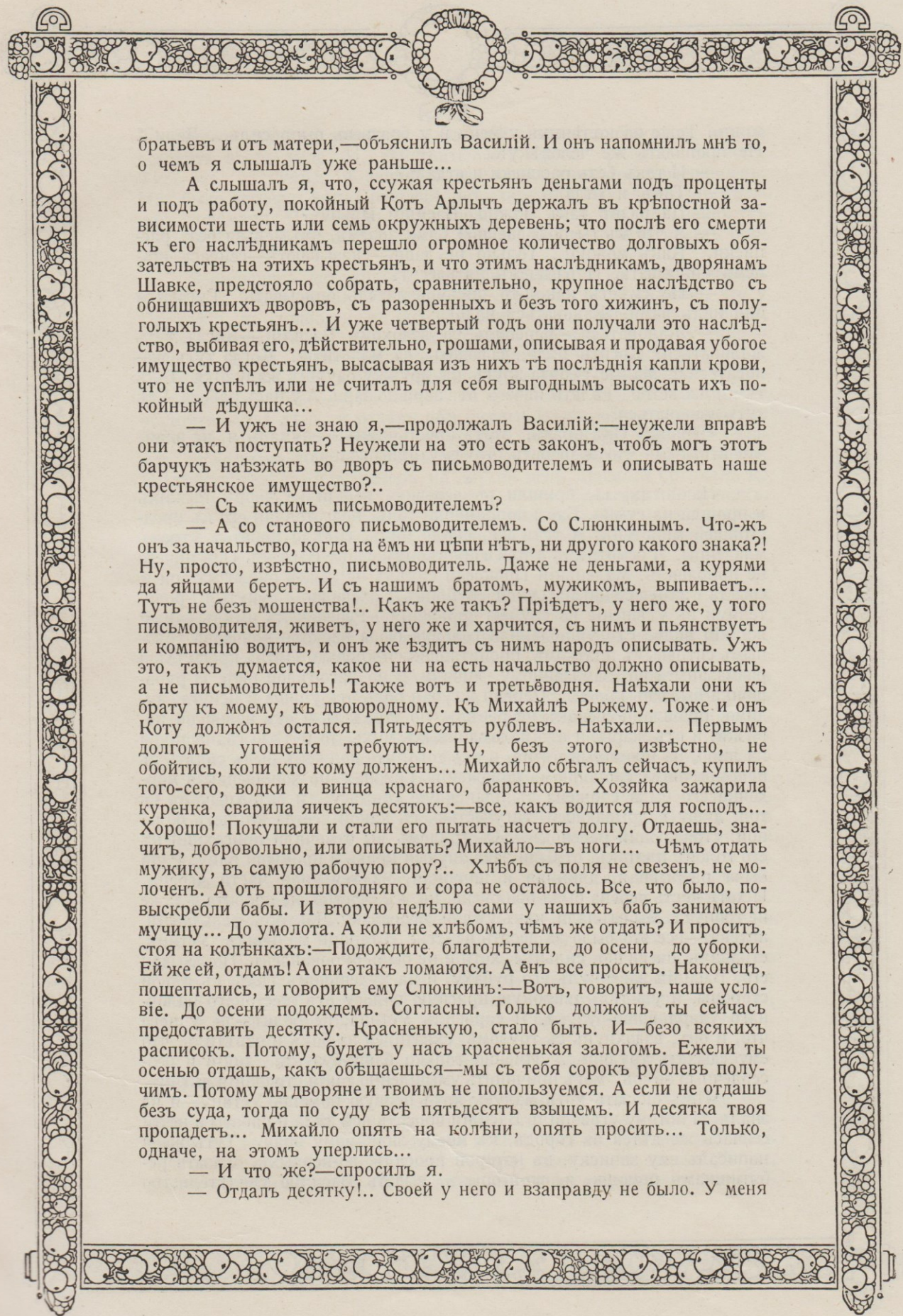
— А все для взысканій...

— Для какихъ взысканій?

— Да вѣдь ѣнъ покойному Коту Арлычу внукомъ доводится...

— Знаю! Такъ что же?

— А, стало быть, какіе на крестьянахъ долги остались онъ таперича взыскиваетъ. Потому самъ наслѣдникъ, и—по довѣрію отъ

братьевъ и отъ матери,—объяснилъ Василій. И онъ напомнилъ мнѣ то, о чемъ я слышалъ уже раньше...

А слышалъ я, что, ссужая крестьянъ деньгами подъ проценты и подъ работу, покойный Коть Арлычъ держалъ въ крѣпостной зависимости шесть или семь окружныхъ деревень; что послѣ его смерти къ его наслѣдникамъ перешло огромное количество долговыхъ обязательствъ на этихъ крестьянъ, и что этимъ наслѣдникамъ, дворянамъ Шавке, предстояло собрать, сравнительно, крупное наслѣдство съ обнищавшихъ дворовъ, съ разоренныхъ и безъ того хижинъ, съ полуголыхъ крестьянъ... И уже четвертый годъ они получали это наслѣдство, выбивая его, дѣйствительно, грошами, описывая и продавая убогое имущество крестьянъ, высасывая изъ нихъ тѣ послѣднія капли крови, что не успѣлъ или не считалъ для себя выгоднымъ высосать ихъ покойный дѣдушка...

— И ужъ не знаю я,—продолжалъ Василій:—неужели вправѣ они этакъ поступать? Неужели на это есть законъ, чтобъ могъ этотъ барчукъ наѣзжать во дворъ съ письмоводителемъ и описывать наше крестьянское имущество?..

— Съ какимъ письмоводителемъ?

— А со становаго письмоводителемъ. Со Слюнкинымъ. Что-жъ онъ за начальство, когда на ѣмъ ни цѣпи нѣтъ, ни другого какого знака?! Ну, просто, извѣстно, письмоводитель. Даже не деньгами, а куриями да яйцами беретъ. И съ нашимъ братомъ, мужикомъ, выпиваетъ... Тутъ не безъ мошенства!.. Какъ же такъ? Приѣдетъ, у него же, у того письмоводителя, живетъ, у него же и харчится, съ нимъ и пьянствуетъ и компанію водить, и онъ же ѣздитъ съ нимъ народъ описывать. Ужъ это, такъ думается, какое ни на есть начальство должно описывать, а не письмоводитель! Также вотъ и третьеводня. Наѣхали они къ брату къ моему, къ двоюродному. Къ Михайлѣ Рыжему. Тоже и онъ Коту должонъ остался. Пятьдесятъ рублей. Наѣхали... Первымъ долгомъ угощенія требуютъ. Ну, безъ этого, извѣстно, не обойтись, коли кто кому должень... Михайло сбѣгаль сейчасъ, купилъ того-сего, водки и винца краснаго, баранковъ. Хозяйка зажарила куренка, сварила яичекъ десятокъ:—все, какъ водится для господъ... Хорошо! Покушали и стали его пытатъ насчетъ долга. Отдаешь, значитъ, добровольно, или описывать? Михайло—въ ноги... Чѣмъ отдать мужику, въ самую рабочую пору?.. Хлѣбъ съ поля не свезень, не молочень. А отъ прошлогдняго и сора не осталось. Все, что было, по-выскребли бабы. И вторую недѣлю сами у нашихъ бабъ занимаютъ мучицу... До умолота. А коли не хлѣбомъ, чѣмъ же отдать? И просить, стоя на колѣнкахъ:—Подождите, благодѣтели, до осени, до уборки. Ей же ей, отдамъ! А они этакъ ломаются. А ѣнъ все просить. Наконецъ, пошептались, и говорить ему Слюнкинъ:—Вотъ, говорить, наше условіе. До осени подождемъ. Согласны. Только должонъ ты сейчасъ предоставить десятку. Красненькую, стало быть. И—безо всякихъ расписокъ. Потому, будетъ у насъ красненькая залогомъ. Ежели ты осенью отдашь, какъ общаешься—мы съ тебя сорокъ рублей получимъ. Потому мы дворяне и твоимъ не попользуемся. А если не отдашь безъ суда, тогда по суду всѣ пятьдесятъ взыщемъ. И десятка твоя пропадетъ... Михайло опять на колѣни, опять просить... Только, одначе, на этомъ уперлись...

— И что же?—спросилъ я.

— Отдалъ десятку!.. Своей у него и взаправду не было. У меня

взяль. Тоже на колѣняхъ у меня и у братьевъ выпросиль... Дали... Не пропадать же человекъ!..

— И такъ безъ расписки и отдалъ?

— Такъ и отдалъ...

— Да развѣ такъ можно, Василій Ильичъ?!

— А что жъ ты подѣлаешь?! Сами знаемъ, что нельзя безъ расписки. Какъ можно!.. Только не дашь—сказываютъ—сейчасъ станемъ описывать. И взыщемъ пятьдесятъ.

— Не смѣть какой-то письмоводитель описывать! Ругаются они надъ вами. Жаловаться надо!..

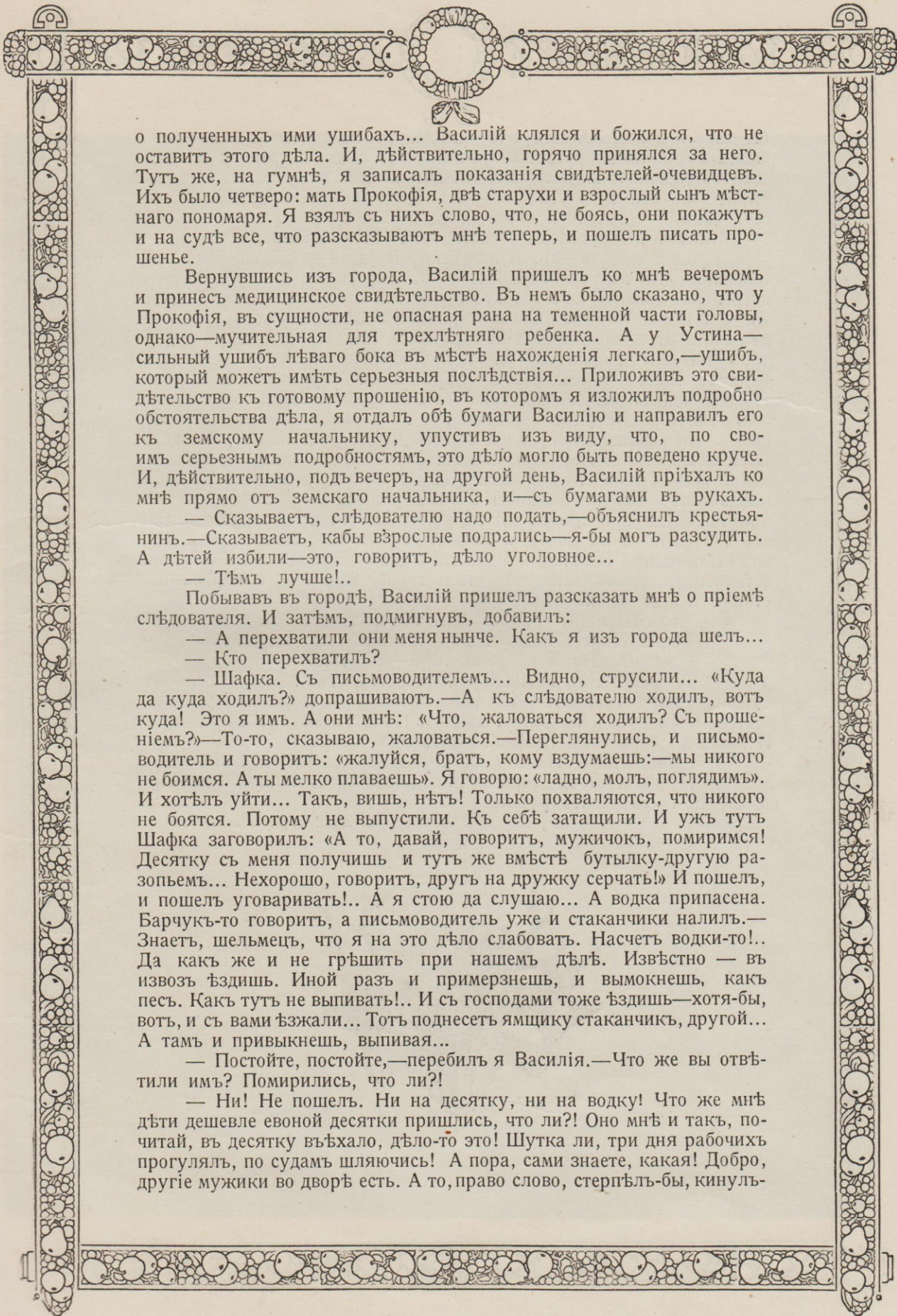
— Жаловаться!—перебилъ со вздохомъ Василій.—Когда тутъ жаловаться? Косить надо, да возить, да молотить!.. Когда тутъ жаловаться?! Малые ребята другъ на дружку баушкѣ жалуются. Такъ тѣмъ, извѣстно, дѣлать нечего отъ зари до зари. А у насъ работа. Гдѣ тутъ жаловаться?

«Правъ! Онъ правъ, этотъ крестьянинъ!»—думаль я, не зная, что отвѣтить, что возразить, что ему присоветовать...

* * *

Наконецъ, мы пришли въ деревню, вошли во дворъ Рыжихъ и прошли на гумно. Бабы поправляли токъ, подготавливая его къ предстоящей молотбѣ. А тутъ же, около нихъ, сидѣли побитые утромъ младенцы. Я осмотрѣлъ дѣтей и провѣрилъ слова Василія. Онъ ничего не прибавилъ. Маленькій Прокофій сидѣлъ на землѣ около матери и сосаль замусоленный сухой бубликъ, очевидно, сунутый родителями въ утѣшеніе по случаю пораненія. Ребеночекъ имѣлъ самый жалкій видъ. Его ушибленная головка была наскоро повязана грязнымъ ситцевымъ платкомъ, пропитавшимся кровью. Пятна крови были размазаны и по замазанному личику, и по загорѣлой шеѣ. И рубашонка была въ крови... Первая жгучая боль отъ ушиба и испуга, видимо, прошла. Ребенокъ не ревѣлъ, но страдалъ и отъ неловкой повязки, и отъ жары, и отъ надоедливыхъ мухъ, то и дѣло садившихся на лицо, на кровяныя пятна, и отъ того, что долженъ былъ сидѣть въ непривычномъ спокойномъ положеніи. Грязная, но хорошенькая мордочка его была сложена въ пласивую гримасу, и онъ хныкалъ съ той, душу надрывающей, тягучестью, съ какой всегда хнычетъ больной, страдающій ребенокъ... Съ трудомъ мы отмочили присохшій къ его головѣ платокъ, отмыли запекающуюся кровь и промыли рану. Рана была разрывная, длинная и широкая, на теменной части черепа. И хотя кость черепа была обнажена, но, къ счастью, не пробита и даже не тронута. Мы сдѣлали, какъ умѣли, перевязку. Докторъ, фельдшеръ, аптека,—все это было за десять верстъ!.. Старшій мальчикъ, Устинъ, страдалъ, очевидно, сильнѣе, хотя и не былъ окровавленъ. Показывая его, Василій завернулъ его рубаху, и на худенькомъ тѣлѣ, съ лѣвой стороны, я увидѣлъ широкую красную полосу отъ жестокаго палочнаго удара баши-бузука. Я спросилъ Устину, не болитъ-ли у него что, и онъ, вздохнувъ съ трудомъ, схватился за бокъ и отвѣтилъ, что ему «дыхать трудно»... Именно только баши-бузукъ, дикій и безсердечный звѣрь, могъ причинить умышленно такія страданія дѣтямъ.

Чѣмъ оказать хотя малую, хотя первую помощь Устину—я не зналъ. И потому уговорилъ Василія бросить все дѣла и работы и везти сейчасъ же дѣтей въ городъ, къ моему знакомому врачу. Тутъ же я написалъ ему записку, въ которой просилъ, во-первыхъ, оказать ребяташкамъ помощь, а, во-вторыхъ, выдать Василію свидѣтельство

о полученных ими ушибах... Василий клялся и божился, что не оставит этого дѣла. И, дѣйствительно, горячо принялся за него. Тутъ же, на гумнѣ, я записалъ показанія свидѣтелей-очевидцевъ. Ихъ было четверо: мать Прокофія, двѣ старухи и взрослый сынъ мѣстнаго пономаря. Я взялъ съ нихъ слово, что, не боясь, они покажутъ и на судѣ все, что рассказываютъ мнѣ теперь, и пошелъ писать прошенье.

Вернувшись изъ города, Василий пришелъ ко мнѣ вечеромъ и принесъ медицинское свидѣтельство. Въ немъ было сказано, что у Прокофія, въ сущности, не опасная рана на теменной части головы, однако—мучительная для трехлѣтняго ребенка. А у Устина—сильный ушибъ лѣваго бока въ мѣстѣ нахожденія легкаго,—ушибъ, который можетъ имѣть серьезныя послѣдствія... Приложивъ это свидѣтельство къ готовому прошенію, въ которомъ я изложилъ подробно обстоятельства дѣла, я отдалъ обѣ бумаги Василию и направилъ его къ земскому начальнику, упустивъ изъ виду, что, по своимъ серьезнымъ подробностямъ, это дѣло могло быть поведено круче. И, дѣйствительно, подъ вечеръ, на другой день, Василий пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ земскаго начальника, и—съ бумагами въ рукахъ.

— Сказываетъ, слѣдователю надо подать,—объяснилъ крестьянинъ.—Сказываетъ, кабы взрослые подрались—я-бы могъ разсудить. А дѣтей избилъ—это, говорить, дѣло уголовное...

— Тѣмъ лучше!..

Побывавъ въ городѣ, Василий пришелъ разсказать мнѣ о приѣмѣ слѣдователя. И затѣмъ, подмигнувъ, добавилъ:

— А перехватили они меня нынче. Какъ я изъ города шель...

— Кто перехватилъ?

— Шапка. Съ письмоводителемъ... Видно, трусили... «Куда да куда ходилъ?» допрашиваютъ.—А къ слѣдователю ходилъ, вотъ куда! Это я имъ. А они мнѣ: «Что, жаловаться ходилъ? Съ прошеніемъ?»—То-то, сказываю, жаловаться.—Переглянулись, и письмоводитель и говоритъ: «жалуйся, братъ, кому вздумаешь:—мы никого не боимся. А ты мелко плаваешь». Я говорю: «ладно, моль, поглядимъ». И хотѣлъ уйти... Такъ, вишь, нѣтъ! Только похваляются, что никого не боятся. Потому не выпустили. Къ себѣ затащили. И ужъ тутъ Шапка заговорилъ: «А то, давай, говорить, мужичокъ, помиримся! Десятку съ меня получишь и тутъ же вмѣстѣ бутылку-другую разопьемъ... Нехорошо, говорить, другъ на дружку сердчать!» И пошелъ, и пошелъ уговаривать!.. А я стою да слушаю... А водка припасена. Барчукъ-то говоритъ, а письмоводитель уже и стаканчики налилъ.—Знаетъ, шельмецъ, что я на это дѣло слабовать. Насчетъ водки-то!.. Да какъ же и не грѣшить при нашемъ дѣлѣ. Извѣстно — въ извозъ ѣздишь. Иной разъ и примерзнешь, и вымокнешь, какъ песь. Какъ тутъ не выпивать!.. И съ господами тоже ѣздишь—хотя-бы, вотъ, и съ вами ѣзжали... Тотъ поднесетъ ямщику стаканчикъ, другой... А тамъ и привыкнешь, выпивая...

— Пойдите, пойдите,—перебилъ я Василия.—Что же вы отвѣтили имъ? Помирились, что ли?!

— Ни! Не пошелъ. Ни на десятку, ни на водку! Что же мнѣ дѣти дешевле евоной десятки пришлись, что ли?! Оно мнѣ и такъ, почитай, въ десятку въѣхало, дѣло-то это! Шутка ли, три дня рабочихъ прогулялъ, по судамъ шлячусь! А поря, сами знаете, какая! Добро, другіе мужики во дворѣ есть. А то, право слово, стерпѣль-бы, кинуль-

бы дѣло и вовсе!.. А таперича—ни! Мириться, сказываю, никакъ не желаю. А потому прощенія просимъ... А самъ скорѣе за дверь!.. Дуже торопился. Потому письмоводитель уже и стаканчикъ взялъ. Чтобъ, значить, поднести. Мнѣ-то... «Не ровень часъ, думаю, поднести ближе:—согрѣшу и дѣтей забуду!» Поскорѣе и ушелъ...

Такъ онъ кончилъ свой рассказъ. И мы разстались...

Прошло недѣли двѣ. Я встрѣтилъ Василю на мельницѣ, и онъ сообщилъ, что на утро слѣдователь вызываетъ его къ себѣ. Черезъ кого-то онъ узналъ, что и Шавке получилъ на завтра повѣстку. Въ тотъ же день и у меня было дѣло въ городѣ, и я поѣхалъ туда поутру, но—не рано... Шагомъ взбираясь на гору, подъ самымъ городомъ, я встрѣтилъ бѣговья дрожки. Въ сильномъ подпити сидѣли въ дрожкахъ барчукъ Шавке и письмоводитель становаго пристава Слюнкинъ. Поровнявшись со мною, они, глядя мнѣ въ лицо, нахально засмѣялись и проѣхали... «Неужели?» подумалъ я тогда же: «неужели онъ помирился, соблазнившись предложеннымъ опять угощеніемъ? Неужели Василю простилъ? Неужели, почувствовавъ запахъ вина, онъ забылъ, какой видъ имѣли его сынишка и внукъ въ памятный день избіенія младенцевъ?!» И мнѣ казалось это невѣроятнымъ, но... лишь до той минуты, когда, при самомъ вѣздѣ въ городъ, я встрѣтилъ самого Василю. Онъ шелъ пѣшкѣмъ, и шелъ далеко не твердой походкой. Да, онъ былъ пьянъ! Однако, онъ узналъ меня и, поровнявшись со мной, остановился, снялъ шапку, опустилъ голову и, молча, сконфуженно, стоялъ передо мной.

— Что, Василю? Видно, дѣти-то оказались дешевле водки?

— Водка опосля подоспѣла!—отвѣтилъ онъ, вздохнувъ.

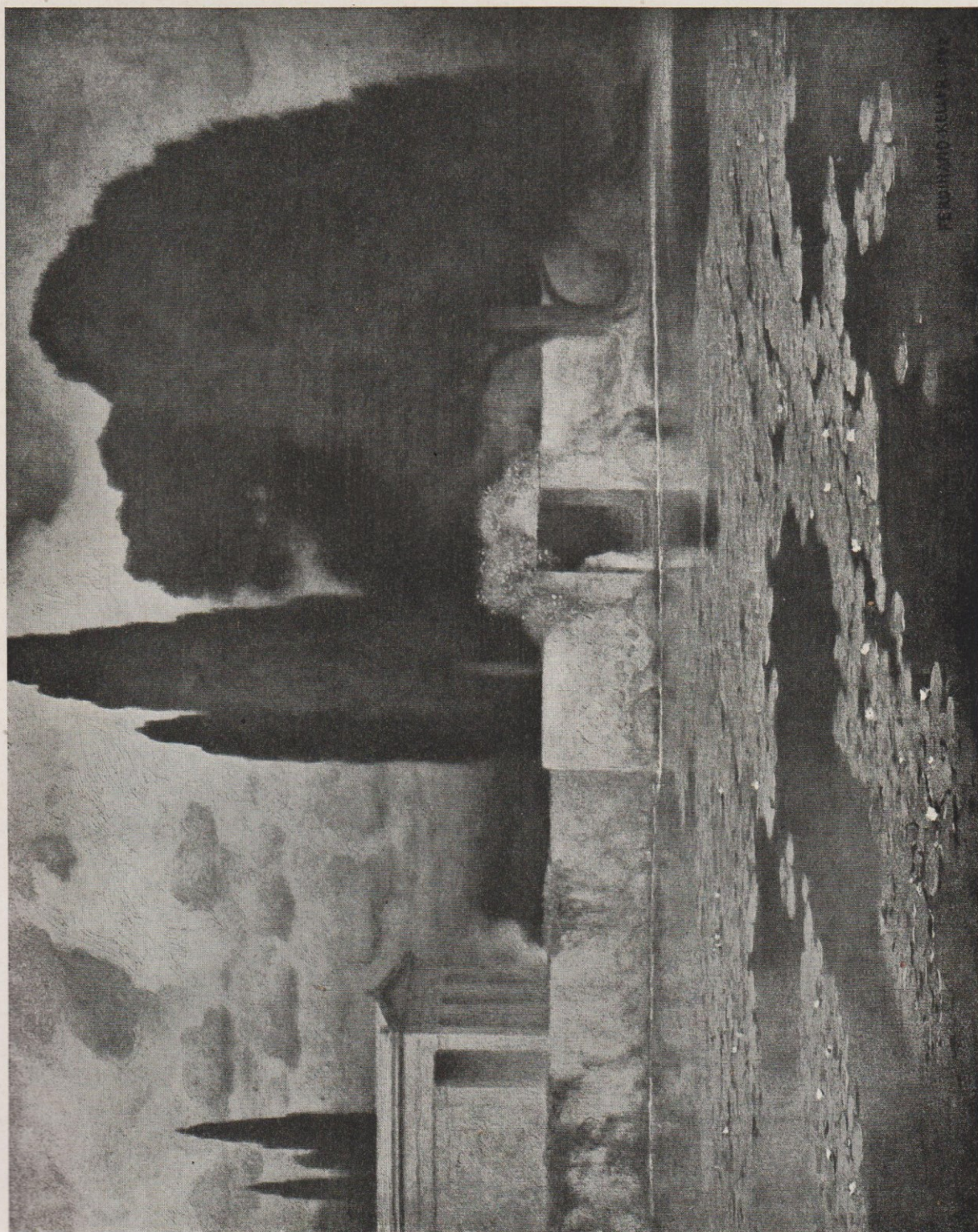
— Опосля?.. Ну, а допрежъ того—что было?

— Допрежъ того нагнали они меня утромъ, когда я шелъ къ слѣдователю, и говорятъ: «Слушай, Василю! Коли не помиришься, завтра же опишемъ и Михайлу Рыгаго, и Никиту... Вотъ тебѣ крестъ...». И побожился на томъ Шапка... «Разорю!» говорить...

Я зналъ, что за Никиту была выдана младшая дочь Василю, зналъ и то, что и этотъ дворъ былъ долженъ наслѣдникамъ Кота Арлыча сто восемьдесятъ рублей...

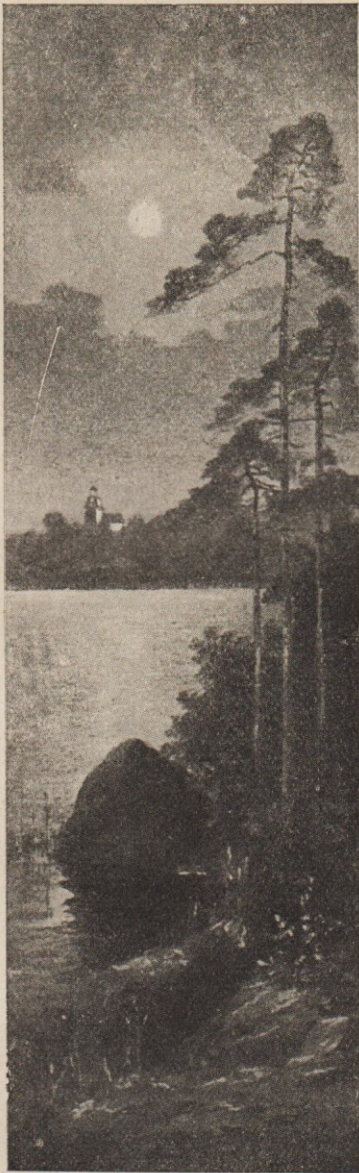
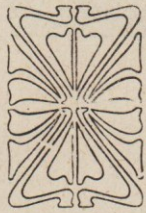
Викторъ Рышковъ.

Ф. Келлеръ.

Монастырь на озерѣ.

ЭЛЕГИЯ.

Недолгий день замѣтно вечерѣть.
Какъ поздній свѣтъ уходитъ жизнь моя.
Я жду. Закатнымъ холодомъ повѣть.
Недолгий день замѣтно вечерѣть.
И звѣздъ вечернихъ ожидаю я.

Давно-ль мнѣ утро ласковое пѣло.
И полдень зноемъ сладостнымъ томилъ.
Душа послѣдней ласки захотѣла.
Давно-ли утро солнечное пѣло?
Но минулъ день. И вечеръ наступилъ.

Всѣ, что прошло, и что не возвратится,
Быть можетъ, въ смутной памяти продлю...
Я жилъ счастливо. Мнѣ пора забыться.
Какъ хорошо, что жизнь не возвратится.
Какъ жадно я грядущее люблю!

Недолгий день замѣтно вечерѣть.
Горитъ закатъ на грани бытія.
Я жду. Послѣднимъ холодомъ повѣть.
Земная жизнь замѣтно вечерѣть.
И звѣздъ вечернихъ ожидаю я.

Яковъ Годинъ.

Глѣбъ Успенскій.

(Къ 75-лѣтію со дня рожденія).

Очеркъ Н. Д. Носкова.

Глѣбъ Успенскій, а не Глѣбъ Ивановичъ. Такъ онъ любилъ именовать себя, больной душой усматривая въ себѣ роковую двойственность. Святой Глѣбъ вель жестокою борьбу съ грѣшнымъ Ивановичемъ,—борьбу не здѣшной правды со здѣшнею ложью, и монахиня Маргарита—образъ, сотканный изъ лучей свѣта—являлась къ Глѣбу съ утѣшеніемъ и поддержкой, укрѣпляя его на продолженіе этого подвига. Безмѣрные ужасъ и сладость такой борьбы постигаль во всемъ ея величій больной Успенскій, но и раньше многое другое постигаль онъ, чего не знали его окружающіе. И это свое постиженіе онъ объяснялъ кратко:

— Потому что я много пережилъ, чего никто не переживалъ, вѣдь, вы знаете, я сумасшедшимъ былъ.

Ему было дано то, что отнято отъ другихъ. И это—«художественное прозрѣніе». Съ юности, онъ позналъ, что писательство есть великое служеніе истинѣ, борьба во имя нея и за нее. Для Успенскаго оно было своего рода крестной ношей. Въ его больныхъ галлюцинаціяхъ свѣтится чистота и святость; въ его бредовыхъ идеяхъ лучится глубокоскрытая красота его души, ея ширь. «Больной» мозгъ, и въ то же самое время какая-то легкая окрыленность, неизмѣнная тяга къ творчеству,—его образы, его озареніе. Безсиліе и сила вмѣстѣ, омраченіе и просвѣтленіе рядомъ, страшный недугъ и, на его почвѣ, что-то дѣтское, милое, благодное. Безумный или просвѣтленный? Недаромъ же даже пользовавшіе его врачи какъ-то хотѣли вѣрить, что онъ побѣдитъ болѣзнь, а близкіе къ нему свидѣтельствовали, что неустанная борьба больного Глѣба съ Ивановичемъ вызывала не ужасъ, а чувство почтенія.

Въ условіяхъ своего времени и обстановки большому таланту Успенскаго такъ и не удалось развернуть свою красоту во всю ширь. Этотъ талантъ не нашелъ полного выявленія. Глѣбъ Успенскій—замѣчательный писатель—таилъ крѣпкіе ростки не только публициста, но и художника. Достаточно теперь, спустя почти полвѣка со дня ихъ появленія, перечитать его «Нравы Растеряевой улицы» или «Разореніе», чтобы убѣдиться въ этомъ. У него ясный, четкій, свой рисунокъ, мастерская рисовка живыхъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни людей, вдумчивый анализъ характеровъ; внѣшняя скупость на детали при углубленности цѣлаго. Предъ нами не бытописатель, не этнографъ, схватывающій лишь внѣшнія, казовыя черты, но настоящій художникъ, дающій свѣтъ и озареніе своимъ образамъ. Русская галерея художественныхъ образовъ и типовъ, безъ Прохора Порфирыча, медика Хрипушина, Толоконникова, Черемухина, Балканихи, Претерпѣевой—безъ этихъ героевъ Успенскаго—не будетъ полна. Типы и образы разночинцевъ Успенскаго стоятъ въ тѣсной близости съ дворянскими типами Толстого и Тургенева, съ чиновничьими типами Гончарова, съ мелкобѣстными Писемскаго, съ купцами Островскаго. Разночинецъ, выявленный жизнью и закрѣпленный литературой 60-хъ годовъ, у Гл. Успенскаго получилъ и душу, и плоть. Не случаенъ его приходъ быть въ русскую жизнь; корни, устой этой жизни, ея фонъ и краски вырисованы во всей четкости Глѣбомъ Успенскимъ. Это сдѣлалъ онъ, и это нельзя будетъ никогда забыть. Изъ книги историческихъ судебъ не вырываются страницы.

Успенскій не только хорошо зналъ нравы Растеряевой улицы богоспасаемаго града, но онъ испыталъ на самомъ себѣ большее: отвращеніе отъ этихъ нравовъ, отъ этой глубочайшей дикости понятій, обрекающихъ на полное затменіе ума, на полную гибель. Онъ родился и выросъ въ Тулѣ, но отъ своей родины ему приходилось только открещиваться; онъ самъ считалъ начало своей жизни только послѣ забвенія собственной біографіи, ибо для того, чтобы дѣйствительно начать жить, нужно было прежде всего забыть прошлое, поставить крестъ и на немъ, и на всѣхъ «внѣдренныхъ качествахъ». Онѣ были таковы, что давали возможность для зоологическаго существованія, но не для сознательной жизни. Успенскій рвался къ послѣдней, созидаея ее «личными средствами». На это созидаеніе ушли лучшіе его годы и именно въ эти годы онъ вынесъ всю муку писателя безъ пристанища, признаннаго таланта, обреченнаго на полное бездѣйствіе. Это—чисто русская боль недавнихъ временъ. Успенскій, юный, полный силъ, не только пережилъ ее; но и эти переживанія отразились на всемъ его дальнѣйшемъ творествѣ. Оно приняло какой-то особо нервный, отрывочный характеръ. Отдѣлка, «вынашивание» произведеній все это чуждо Успенскому. Его сжатые, короткіе, словно наспѣхъ написанные очерки такъ мало похожи на произведенія другихъ писателей. Они носятъ на себѣ печать огромнаго таланта, но таланта, не знавшаго

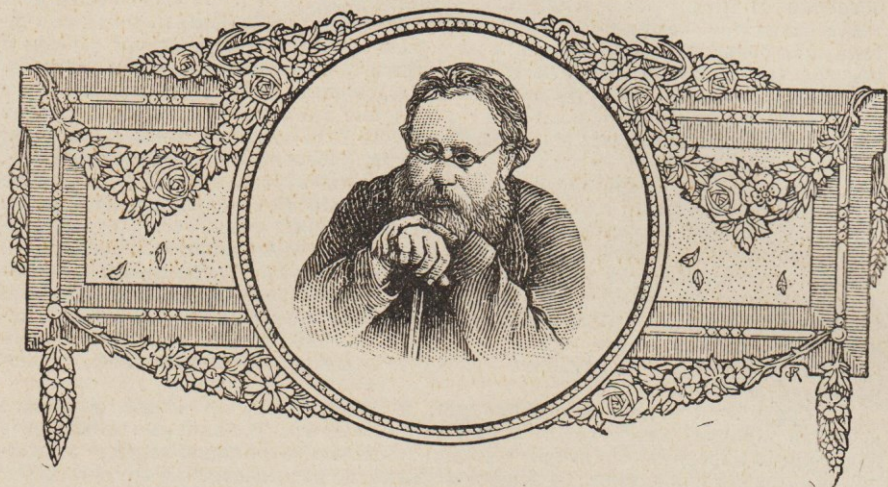
обгранки. И трудно было отдѣлывать и вынашивать. Не такое было время и не такое отношеніе. Успенскій, въ своей неизмѣнной скромности, никогда не считалъ себя большимъ дарованьемъ, а на первыхъ порахъ литературной работы и подавно. Онъ полагалъ, что нужна незначительная способность, чтобы написать рассказъ или очеркъ. «Внутреннее сознание» говорило даже о ненужности этого дѣла. «Все это не то! думалось тогда и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабатывался плохо, кой-какъ, появляясь въ видѣ отрывковъ безъ начала и конца». Впереди, по условіямъ времени, стояла не творческая работа, а собраніе «матеріала», ибо върилось, что «порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе поэта, что Пушкинъ годится лишь для мальчиковъ, а Рафаэль мѣднаго гроша не стоитъ».

Въ періоды бурныхъ встрясокъ художественное творчество всегда замираетъ, отходитъ на второй планъ. Такъ было и въ годину великихъ потрясеній, начала освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ. Эпоха общественнаго подъема и пробужденія захватила всего Успенскаго. Вопросъ: «народъ освобожденъ—но счастливъ ли народъ?» стоялъ ребромъ. Подойти къ этому народу, разгадать въ-ковѣчную загадку — его душу, — осмыслить его жизнь въ собственномъ представленіи, отдать на служеніе вѣковому страдальцу всѣ свои силы, веленовало чуткую молодежь.

Среди этой чуткой молодежи былъ и Глѣба Успенскій, юный, страстный искатель истины, взыскующій и ищущій, томящійся сознаниемъ неоплатнаго долга предъ народомъ, болѣющей сердце, мыслью и совѣстью за него, жаждащій искупленія и покаянія. То подвижничество, не ради подвига, а во имя любви, которая несла наша молодежь, захватило и Успенскаго. Психологъ городского нестроенія очутился въ деревнѣ. Тамъ онъ думалъ найти отдыхъ душѣ, принять новую жизнь у самаго «источника». Такимъ источникомъ былъ народъ и его цѣльная жизнь, не знающая противорѣчій и сумятицы интеллигентскаго существованія. Но въ современной ему деревнѣ онъ увидѣлъ только задатки для великаго будущаго и счастья и только одно «зоологическое нѣмое равновѣсіе». Онъ высоко ставилъ земледѣльческій трудъ, но онъ не увидѣлъ въ немъ, въ опрощеніи избавленія отъ всѣхъ золъ. И тутъ выступаетъ самая характерная черта во всемъ творествѣ Успенскаго: его преклоненіе предъ правдой, его убѣжденіе, что «честно мыслить» значитъ говорить то, о чемъ думаешь, не боясь собственной головы. И эту правду, на фонѣ господствовавшей идеализаціи деревни, Успенскій выговорилъ свободно и смѣло, повѣдавъ о томъ «адскомъ» состояніи, которое «слагается изъ предъявляемыхъ деревней фактовъ», нарушающихъ «самыя истинныя истины». Успенскій не идеализировалъ дѣйствительности, но писалъ то, что видѣлъ, что зналъ. Недаромъ же онъ, съ полнымъ правомъ, могъ утверждать, что у него нѣтъ біографіи, ибо вся она «пересказана почти изо дня въ день» въ его книгахъ, что «больше у него ничего въ личной жизни не было и нѣтъ». Эти книги, составлявшіяся изъ записей и замѣтокъ его скитаній по свѣту, и явились его «душевной родословной». Въ нихъ онъ весь: чуткій, вдумчивый, встревоженный и искренній. Ради нихъ, ради «матеріала», собираемаго съ родныхъ полей для будущихъ поколѣній, онъ забываетъ и о своемъ творествѣ, о своемъ дарѣ истиннаго художника. Не вынашивать впечатлѣнія для будущихъ своихъ работъ, но сбить ихъ бремя—нужно Успенскому, ибо его бремя давить не его одного. Не онъ одинъ въ такомъ положеніи. Художникъ отходитъ на десятый планъ и нервно, лихорадочно, на клочкахъ бумаги, не заботясь объ отдѣлкѣ, бросаетъ свои мысли, свои образы публицистъ-писатель. Это не беллетристика; въ ней нѣтъ главнаго: выдумки; выдумка принесена въ жертву трезвой правдѣ, но это и не протокольная правда наблюденій очевидца. Протокольная правда здѣсь не у мѣста, ибо, потрясенный своими впечатлѣніями, писатель даетъ полную свободу искреннему чувству въ своей беллетристической, только по формѣ, публицистикѣ. Такъ до Успенскаго не писали. И по сути и по формѣ его писанія отмѣчены яркой индивидуальностью. И въ этихъ писаніяхъ вся лѣтопись русской деревни, отъ момента ея перваго пробужденія къ жизни. И въ этой лѣтописи цѣнны не столько выводы, сколько правда живыхъ рѣчей и образовъ, въ которыхъ такъ ярко возсоздана Успенскимъ русская деревня во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Выводы дѣлать было рано, да и теперь еще не настала для нихъ пора. И рано еще забывать Глѣба Успенскаго, одного изъ искреннѣйшихъ русскихъ писателей. Въ его книгахъ отражена не только его личная жизнь, но съ ихъ страницъ свѣтится русская жизнь прошлыхъ, завершаемыхъ, но еще не завершенныхъ, дней.

И безмѣрно жаль, что нѣтъ у современной нашей деревни Глѣба Успенскаго,—чуткаго писателя-рабочаго за правду.

Н. Носковъ.

Прудонъ.

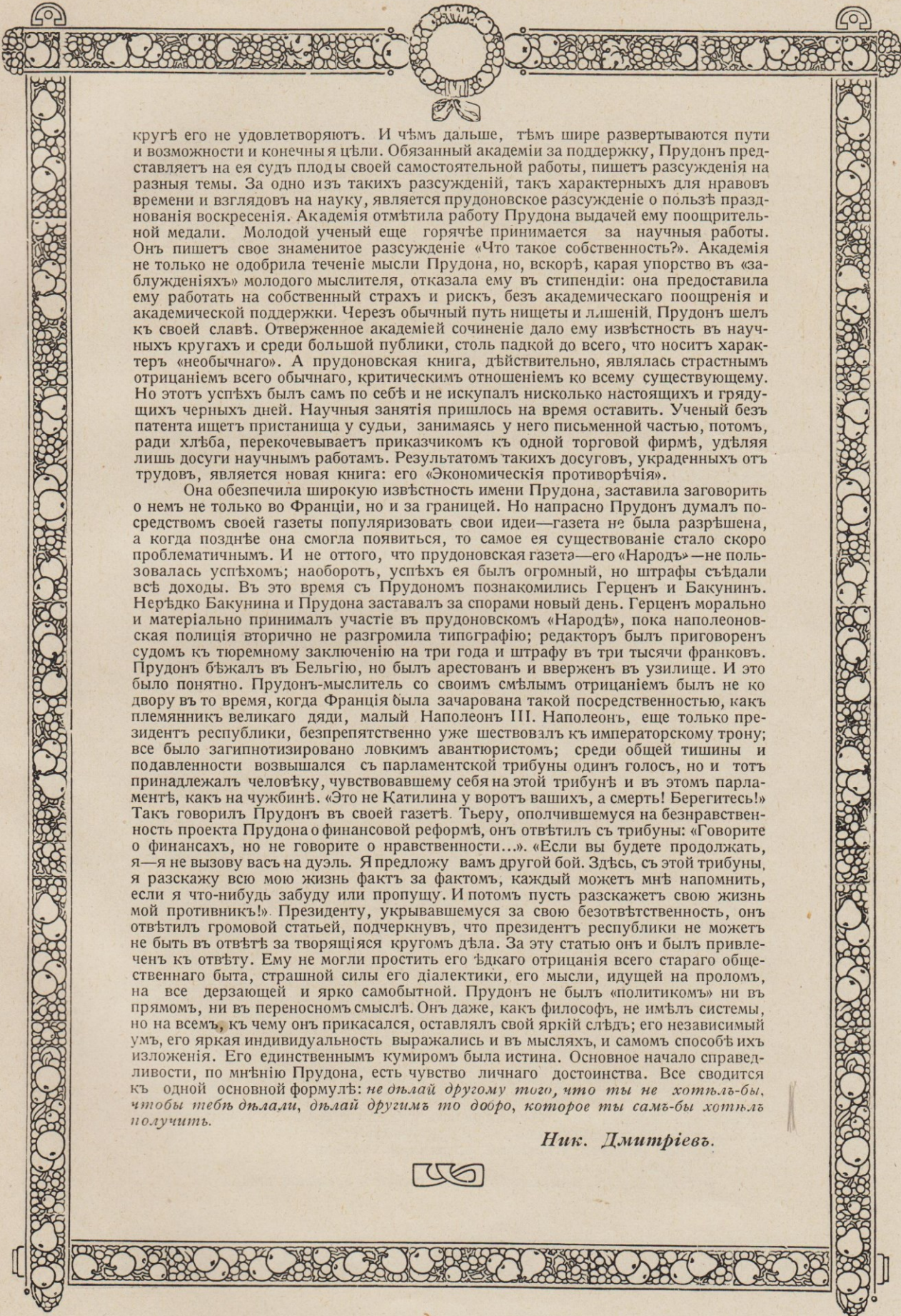
(Къ 50-лѣтію со дня смерти).

Очеркъ Н. Дмитріева.

Знаменитый французский писатель Пьеръ-Жозефъ Прудонъ былъ самоучка. Это значить, что онъ всему былъ обязанъ самообразованію, но не значить, что передъ нимъ, сыномъ бѣднаго крестьянина, ушедшаго на заводскіе заработки, были закрыты всѣ пути къ систематическому образованію. Въ этомъ случаѣ французскій самоучка Прудонъ оказался въ гораздо болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ наши самоучки, которымъ буквально грудью приходилось, и до сихъ поръ еще приходится, пробивать себѣ свой путь, стучаться передъ запертой наглухо дверью, ведущей в храмину науки и раскрывающейся лишь для избранныхъ и привилегированныхъ.

Франція Прудона уже не знала классовыхъ перегородокъ, дѣленій на черную и бѣлую кость. Прудонъ родился позднѣе тѣхъ дней, когда Франція пережила свое обновленіе. На обломкахъ стараго, послѣреволюціоннаго пожара, стояла наполеоновская Франція, и годъ рожденія Прудона (1809 г.) былъ ознаменованъ миромъ и благополучіемъ сытой, довольной, вишне блестящей Франціи, послѣ ея завоеваній и побѣдъ.

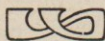
Сынъ рабочаго изъ Безансона вступилъ въ жизнь, когда все это осталось только однимъ воспоминаніемъ. Жизнь его началась рано. Девятнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ оставить школу и приняться за самостоятельный трудъ ради хлѣба. Юноша Прудонъ сталъ корректоромъ въ типографіи. Работая надъ правкой еврейскаго текста, онъ въ короткое время овладѣлъ имъ и это уже указывало на его лингвистическія способности. Кочуя изъ города въ городъ, онъ добрался, наконецъ, до Парижа; столица міра, вбирающая въ себя тысячи тысячъ юношей, идущихъ за славой и трудомъ, ничего не дала Прудону. Корректоръ безансонской типографіи сталъ лишь корректоромъ одной изъ типографій Парижа. Столичный трудъ оплачивался болѣе щедро, чѣмъ въ провинціи, и, черезъ нѣсколько лѣтъ, Прудонъ вернулся на родину уже съ небольшими сбереженіями. На нихъ въ Безансонѣ и начала работать крошечная типографія Прудона. Но самого типографа тянула больше всего область филологіи. Онъ усиленно работалъ въ ней, составляя и печатая свой «Опытъ» общей грамматики. Самоучка-филологъ встрѣтилъ одобреніе со стороны патентованныхъ филологовъ. Парижская академія наградила Прудона почетнымъ отзывомъ, а безансонская академія помогла матеріально: она дала возможность молодому ученому безъ патента серьезно отдаться изученію излюбленной филологіи, не заботясь о завтрашнемъ, черномъ днѣ. Но въ немъ самомъ уже зрѣлъ поворотъ: его увлекаетъ не одна филологія, но столько же, если не больше и философія, и исторія, и политическая экономія,—увлекаетъ ширь знанія, открывшаяся передъ нимъ возможность приобщиться въ полной мѣрѣ къ его неизсякаемому источнику. Узкая специализація, дѣйствія въ ограниченномъ

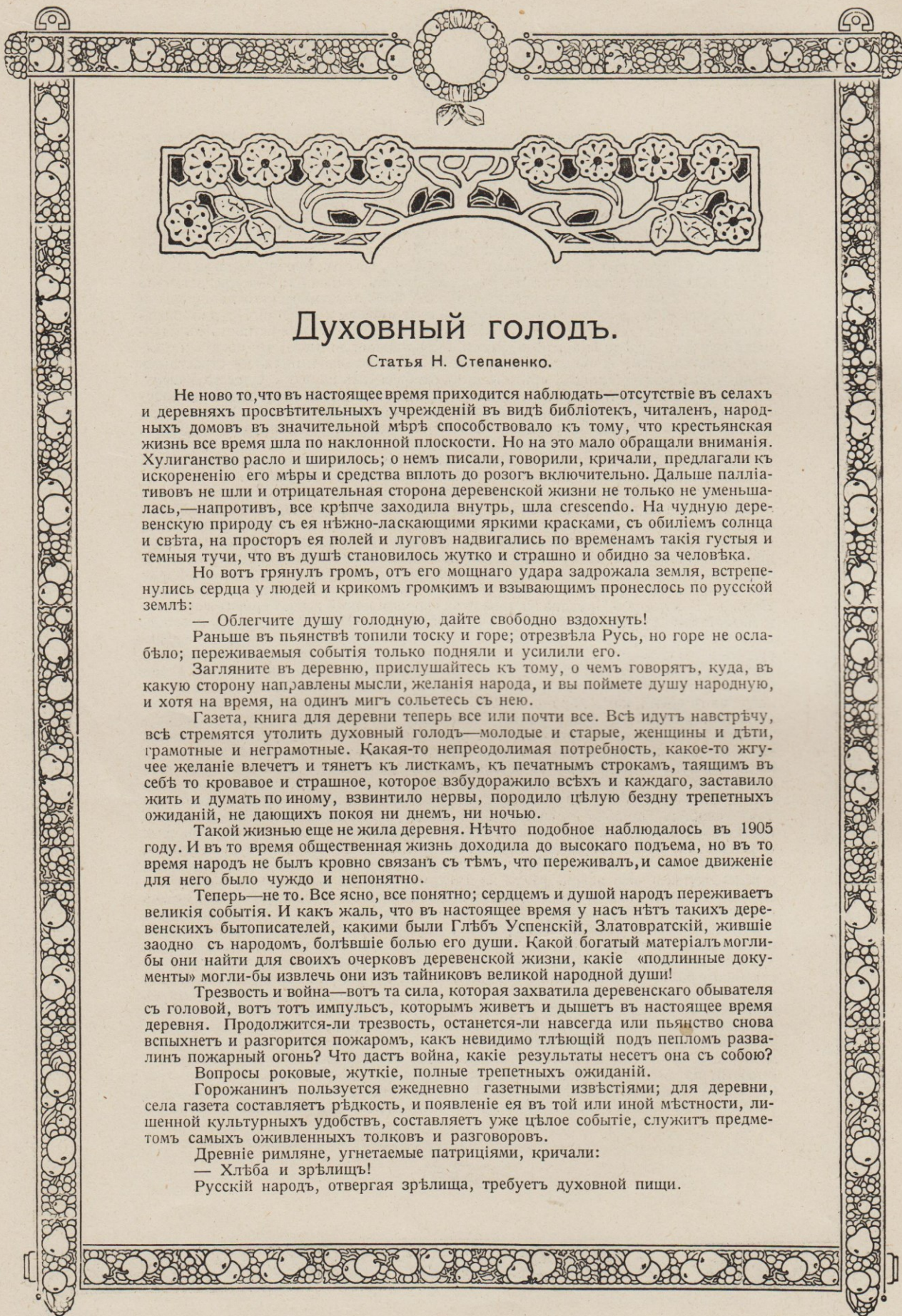

кругъ его не удовлетворяютъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ шире развертываются пути и возможности и конечныя цѣли. Обязанный академіи за поддержку, Прудонъ представляетъ на ея судъ плоды своей самостоятельной работы, пишетъ разсужденія на разныя темы. За одно изъ такихъ разсужденій, такъ характерныхъ для нравовъ времени и взглядовъ на науку, является прудоновское разсужденіе о пользѣ празднованія воскресенія. Академія отмѣтила работу Прудона выдачей ему поощрительной медали. Молодой ученый еще горяче принимается за научныя работы. Онъ пишетъ свое знаменитое разсужденіе «Что такое собственность?». Академія не только не одобрила теченіе мысли Прудона, но, вскорѣ, карая упорство въ «заблужденіяхъ» молодого мыслителя, отказала ему въ стипендіи: она предоставила ему работать на собственный страхъ и рискъ, безъ академическаго поощренія и академической поддержки. Черезъ обычный путь нищеты и лишній. Прудонъ шель къ своей славѣ. Отверженное академіей сочиненіе дало ему извѣстность въ научныхъ кругахъ и среди большой публики, столь падкой до всего, что носитъ характеръ «необычнаго». А прудоновская книга, дѣйствительно, являлась страстнымъ отрицаніемъ всего обычнаго, критическимъ отношеніемъ ко всему существующему. Но этотъ успѣхъ былъ самъ по себѣ и не искупалъ нисколько настоящихъ и грядущихъ черныхъ дней. Научныя занятія пришлось на время оставить. Ученый безъ патента ищетъ пристанища у судьи, занимаясь у него письменной частью, потомъ, ради хлѣба, перекочевываетъ приказчикомъ къ одной торговой фирмѣ, удѣляя лишь досуги научнымъ работамъ. Результатомъ такихъ досуговъ, украденныхъ отъ трудовъ, является новая книга: его «Экономическія противорѣчія».

Она обезпечила широкую извѣстность имени Прудона, заставила заговорить о немъ не только во Франціи, но и за границей. Но напрасно Прудонъ думалъ посредствомъ своей газеты популяризовать свои идеи—газета не была разрѣшена, а когда позднѣе она смогла появиться, то самое ея существованіе стало скоро проблематичнымъ. И не оттого, что прудоновская газета—его «Народъ»—не пользовалась успѣхомъ; наоборотъ, успѣхъ ея былъ огромный, но штрафы съѣдали всѣ доходы. Въ это время съ Прудонемъ познакомились Герценъ и Бакунинъ. Нерѣдко Бакунинъ и Прудона заставлялъ за спорами новый день. Герценъ морально и матеріально принималъ участіе въ прудоновскомъ «Народѣ», пока наполеоновская полиція вторично не разгромила типографію; редакторъ былъ приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію на три года и штрафу въ три тысячи франковъ. Прудонъ бѣжалъ въ Бельгію, но былъ арестованъ и вверженъ въ узилище. И это было понятно. Прудонъ-мыслитель со своимъ смѣлымъ отрицаніемъ былъ не ко двору въ то время, когда Франція была зачарована такой посредственностью, какъ племянникъ великаго дяди, малый Наполеонъ III. Наполеонъ, еще только президентъ республики, безпрепятственно уже шествовалъ къ императорскому трону; все было загипнотизировано ловкимъ авантюристомъ; среди общей тишины и подавленности возвышался съ парламентской трибуны одинъ голосъ, но и тотъ принадлежалъ человѣку, чувствующавшему себя на этой трибунѣ и въ этомъ парламентѣ, какъ на чужбинѣ. «Это не Катилина у воротъ вашихъ, а смерть! Берегитесь!» Такъ говорилъ Прудонъ въ своей газетѣ. Тьеру, ополчившемуся на безнравственность проекта Прудона о финансовой реформѣ, онъ отвѣтилъ съ трибуны: «Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности...». «Если вы будете продолжать, я—я не вызову васъ на дуэль. Я предложу вамъ другой бой. Здѣсь, съ этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь забуду или пропущу. И потомъ пусть расскажетъ свою жизнь мой противникъ!». Президенту, укрывавшемуся за свою безответственность, онъ отвѣтилъ громовой статьёй, подчеркнувъ, что президентъ республики не можетъ не быть въ отвѣтъ за творящіяся кругомъ дѣла. За эту статью онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту. Ему не могли простить его ѣдкаго отрицанія всего стараго общественнаго быта, страшной силы его діалектики, его мысли, идущей на проломъ, на все дерзающей и ярко самобытной. Прудонъ не былъ «политикомъ» ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Онъ даже, какъ философъ, не имѣлъ системы, но на всемъ, къ чему онъ прикасался, оставлялъ свой яркій слѣдъ; его независимый умъ, его яркая индивидуальность выражались и въ мысляхъ, и самомъ способѣ ихъ изложенія. Его единственнымъ кумиромъ была истина. Основное начало справедливости, по мнѣнію Прудона, есть чувство личнаго достоинства. Все сводится къ одной основной формулѣ: *не дѣлай другому того, что ты не хотѣлъ-бы, чтобы тебѣ дѣлали, дѣлай другимъ то добро, которое ты самъ-бы хотѣлъ получить.*

Ник. Дмитріевъ.

Духовный голодь.

Статья Н. Степаненко.

Не ново то, что въ настоящее время приходится наблюдать—отсутствие въ селахъ и деревняхъ просвѣтительныхъ учреждений въ видѣ библиотекъ, читаленъ, народныхъ домовъ въ значительной мѣрѣ способствовало къ тому, что крестьянская жизнь все время шла по наклонной плоскости. Но на это мало обращали вниманія. Хулиганство расло и ширилось; о немъ писали, говорили, кричали, предлагали къ искорененію его мѣры и средства вплоть до розогъ включительно. Дальше палліативовъ не шли и отрицательная сторона деревенской жизни не только не уменьшалась,—напротивъ, все крѣпче заходила внутрь, шла crescendo. На чудную деревенскую природу съ ея нѣжно-ласкающими яркими красками, съ обиліемъ солнца и свѣта, на просторъ ея полей и луговъ надвигались по временамъ такія густыя и темныя тучи, что въ душѣ становилось жутко и страшно и обидно за человѣка.

Но вотъ грянулъ громъ, отъ его мощнаго удара задрожала земля, встрепенулись сердца у людей и крикомъ громкимъ и зывающимъ пронеслось по русской землѣ:

— Облегчите душу голодную, дайте свободно вздохнуть!

Раньше въ пьянствѣ топили тоску и горе; отрезвѣла Русь, но горе не ослабло; переживаемыя событія только подняли и усилили его.

Загляните въ деревню, прислушайтесь къ тому, о чемъ говорятъ, куда, въ какую сторону направлены мысли, желанія народа, и вы поймете душу народную, и хотя на время, на одинъ мигъ сольетесь съ нею.

Газета, книга для деревни теперь все или почти все. Всѣ идутъ навстрѣчу, всѣ стремятся утолить духовный голодь—молодые и старые, женщины и дѣти, грамотные и неграмотные. Какая-то непреодолимая потребность, какое-то жгучее желаніе влечетъ и тянетъ къ листкамъ, къ печатнымъ строкамъ, таящимъ въ себѣ то кровавое и страшное, которое взбудоражило всѣхъ и каждого, заставило жить и думать по иному, взвинтило нервы, породило цѣлую бездну трепетныхъ ожиданій, не дающихъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Такой жизнью еще не жила деревня. Нѣчто подобное наблюдалось въ 1905 году. И въ то время общественная жизнь доходила до высокаго подъема, но въ то время народъ не былъ кровно связанъ съ тѣмъ, что переживалъ, и самое движеніе для него было чуждо и непонятно.

Теперь—не то. Все ясно, все понятно; сердцемъ и душой народъ переживаетъ великія событія. И какъ жаль, что въ настоящее время у насъ нѣтъ такихъ деревенскихъ бытописателей, какими были Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, жившіе заодно съ народомъ, болѣвшіе болью его души. Какой богатый матеріалъ могли бы они найти для своихъ очерковъ деревенской жизни, какіе «подлинныя документы» могли бы извлечь они изъ тайниковъ великой народной души!

Трезвость и война—вотъ та сила, которая захватила деревенскаго обывателя съ головой, вотъ тотъ импульсъ, которымъ живетъ и дышетъ въ настоящее время деревня. Продолжится-ли трезвость, останется-ли навсегда или пьянство снова вспыхнетъ и разгорится пожаромъ, какъ невидимо тлѣющій подъ пепломъ развалинъ пожарный огонь? Что дастъ война, какіе результаты несетъ она съ собою?

Вопросы роковыя, жуткіе, полные трепетныхъ ожиданій.

Горожанинъ пользуется ежедневно газетными извѣстіями; для деревни, села газета составляетъ рѣдкость, и появленіе ея въ той или иной мѣстности, лишенной культурныхъ удобствъ, составляетъ уже цѣлое событіе, служитъ предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ и разговоровъ.

Древніе римляне, угнетаемые патриціями, кричали:

— Хлѣба и зрѣлищъ!

Русскій народъ, отвергая зрѣлища, требуетъ духовной пищи.

Въ читальняхъ, бібліотекахъ—книгъ не хватаетъ для всѣхъ, желающихъ пользоваться ими. А много-ли въ селахъ и деревняхъ читальни и бібліотеки?

Въ настоящее время кое-гдѣ заговорили о народныхъ домахъ. Улита идетъ—когда-то будетъ! Можетъ пройти цѣлый рядъ лѣтъ, прежде чѣмъ народятся они. Народные дома—предметъ будущихъ заботъ, настоящія же переживанія сами по себѣ таковы, что не терпятъ ни малѣйшихъ отлагательствъ.

Одинъ изъ народныхъ учителей Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи, пишетъ: «Школа сильно нуждается въ книжкахъ внѣшкольнаго чтенія. Помимо школы ученикамъ достать книги положительно негдѣ. Приходится духовно голодать или пробавляться кое-какими книжонками, да и то въ очень ограниченномъ количествѣ».

Другой учитель—изъ I-го Донскаго округа—сѣуетъ, что при ввѣренномъ ему училищѣ, которое открыто въ 1913 году, нѣтъ ни одной книжки для чтенія на дому ученикамъ, за исключеніемъ учебной книжки, и приобрести таковыхъ не имѣется матеріальныхъ средствъ».

Въ большомъ селѣ Кирилловкѣ, Кіевской губерніи, родинѣ Т. Г. Шевченко, при всѣхъ четырехъ школахъ нѣтъ ни одной бібліотеки, если не считать «бібліотеки» изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ книжонокъ при одномъ четырехъклассномъ училищѣ, находящейся въ завѣдываніи школы. аго сторожа и помѣщающейся въ коридорѣ.

Составляются даже цѣлыя общественные приговоры. Крестьяне Рай-Александровскаго сельскаго общества Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, въ числѣ 185 человекъ, составили приговоръ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Въ нашей слободѣ, состоящей изъ 420 домохозяевъ, по запрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ является стремленіе къ трезвенному движенію, для поддержанія какового никакихъ данныхъ въ нашей слободѣ нѣтъ. По обсужденіи съ общаго всѣхъ насъ согласія постановлено: симъ нашимъ приговоромъ просить Харьковское Общество народной грамотности о бесплатномъ отпускѣ сельскохозяйственныхъ и др. содержанія книгъ для образованія бібліотеки при нашемъ сельскомъ правленіи съ завѣдываніемъ надъ нею нашему писарю».

Крестьяне идутъ въ города и здѣсь покупаютъ книги.

Мнѣ пришлось наблюдать такого рода фактъ. Къ торговцу лубочными изданіями въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ, подошелъ крестьянинъ и принялся выбирать книжки. Долго стоялъ и выбиралъ. Изъ разспросовъ оказалось, что онъ пришелъ въ городъ на заработки изъ Арзамаскаго уѣзда въ холодъ и стужу за 25 верстъ съ 15-ю копейками въ карманѣ. Изъ этого, болѣе чѣмъ скуднаго запаса денегъ, онъ израсходовалъ 3 копейки на покупку книгъ и купилъ «Путешествіе Вильгельма по свѣту» и «Подвигъ казака Крючкова».

Какъ странно однако, что и до сихъ поръ, наканунѣ всеобщей грамотности, книга въ селахъ и деревняхъ все еще составляетъ рѣдкость, и чтобы приобрести ее, нужно идти въ городъ за 25 верстъ!

Отсутствіе книги въ селахъ и деревняхъ ведетъ къ тому, что среди крестьянъ начинаетъ уже развиваться другое зло, не менѣ пагубное, чѣмъ и пьянство—картежная азартная игра, иногда совершенно разоряющая домохозяевъ. Появляются и другія дурныя наклонности.

Война тянется уже не одинъ мѣсяць, а у насъ и до настоящаго времени нѣтъ газеты, доступной по цѣнѣ и пониманіямъ народныхъ массъ. Ни одно изъ земствъ до настоящаго времени не сдѣлало въ этомъ отношеніи почина. Черниговское губернское земство дальше проектовъ и предположеній, высказанныхъ на страницахъ своего органа—«Черниговская Земская Недѣля», такъ и не пошло.

Московское Общество грамотности, приступая къ организациі на время войны снабженія сельскаго населенія старыми и частью новыми газетами, все еще топчется на одномъ мѣстѣ, все еще не выходитъ изъ предположеній, какъ помочь нуждѣ, какъ ослабить среди сельскаго населенія духовный голодъ.

Вотъ ужъ именно: «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ».

А голодъ растетъ и увеличивается.

Невольно вспоминаются слова, сказанныя Л. Н. Толстымъ по поводу другаго голода—физическаго:

— «Это первые стоны надвигающагося ужаса. Я чувствую это, и во мнѣ все ноетъ, какъ ноетъ тѣло у ревматика передъ дурной погодой».

Раздавались «стоны» и раньше, но они не были на столько сильны и захватывающи, какъ въ настоящее время.

Н. Степаненко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ второй.

	Стр.
Наши встрѣчи. Стихотвореніе Дм. Цензора	43
Передъ боемъ. Стих. Л. Андрусона	44
Ручей Манчжуріи. Разсказъ В. В. Брусянина	45
Сумерки. Стих. Юрія Зубовскаго	51
Лазурная кровь. Психологическій этюдъ А. Богданова.	53
Не на войнѣ, а дома. Разсказъ В. А. Рышкова	61
Элегія. Стих. Якова Година	69
Глѣбъ Успенскій. (Къ 75-лѣтію со дня рожденія). Очеркъ Н. Д. Носкова	70
Прудонъ. (Къ 50-лѣтію со дня смерти) Очеркъ Н. Дмитриева	72
Духовный голодъ. Статья Н. Степаненко.	74

КАРИНЫ: 1. **Одинокая.** Картина въ краскахъ Крамского. 2. **Среди двухъ огней.** Картина въ краскахъ Ф. Миллэ. 3. **Монастырь на озерѣ.** Автотипія съ картины Ф. Келлера.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми марками и необходимо прилагать свой прежній адресъ съ бандероли, безъ чего перемѣна невозможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію.

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ денегъ своевременно, высылка журнала немедленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какъ-либо № журнала передаются въ почтамтъ для разслѣдованія и должны быть высланы не позже полученія слѣдующаго за нимъ очереднаго №. Неаккуратная доставка журнала, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, должна быть разслѣдована самими подписчиками.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій

018182/1513

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получают въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти): **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, разсказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стиль Людовика XVI-го.
Картина на атласѣ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной горельефъ
художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Зряя. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ
художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго
итальян. худож.
ГЕРЦОНИ.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост.
Дв. Е. И. Велич.
Голикѣ и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ

извѣстнаго
художника
Ф. Лефлера.

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ
картины
63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб. на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦНИЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.